

Огонёк

№ 43 28 октября 1945 года

СИЛА, ЗДОРОВЬЕ, МОЛОДОСТЬ

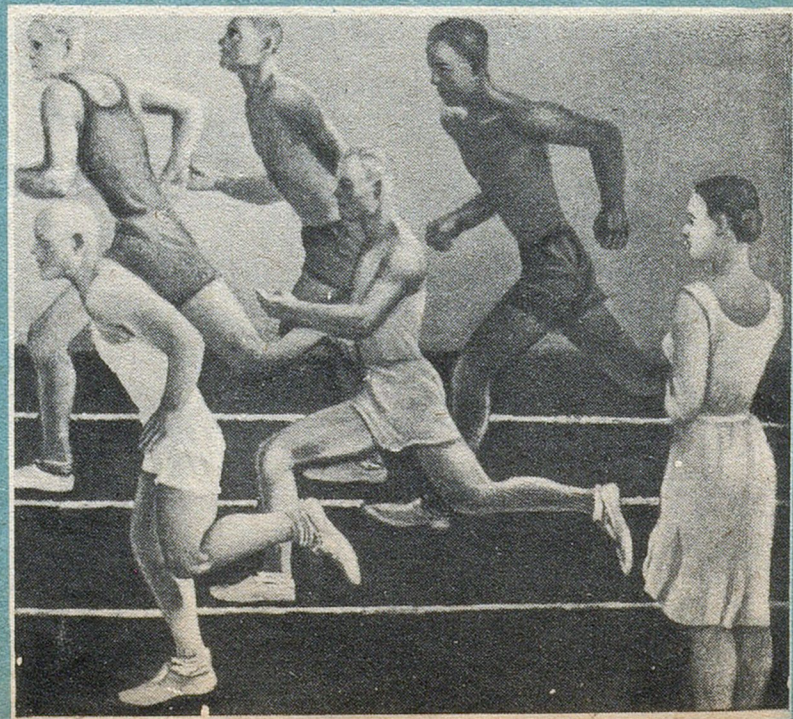
В Центральном офицерском клубе лётчиков в Москве открыта выставка «Физкультура и спорт в изобразительном искусстве». В четырёх залах собрано более двухсот работ художников и скульпторов, коллекции различных значков, жетонов и призов.

Вверху: картина художника Серебряного «Партизанский отряд лыжников-лесгафтовцев».

Слева: скульптура «Теннисистка», работа Прохорова.

Внизу, справа: картина художника Дейнеки «Бег».

Фото В. Шаховского

Огонёк

№ 43 (962)

Воскресенье, 28 октября 1945 года

ВЫХОДИТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

В номере:

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ

Юрий Буряковский. — Заря над Карпатами. Максим Горький. — Сергей Есенин (отрывки из воспоминаний). Л. Русанова. — Сотни миллионов лет назад. Е. Канн. — Оперы русских композиторов в Италии. Н. Полянов. — Домик в Алуште.

ПРОЗА

Юрий Хазанов. — С донесением к Фрунзе. Рисунки А. Шульца.

СТИХИ

Семён Гудзенко. — Два стихотворения. М. Максимов. — Победа. Виктор Уран. — Стихи.

РЕПОРТАЖ

К. Непомнящий. — Покрышкин учится. О. Кнорринг. — У берегов Адриатики.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

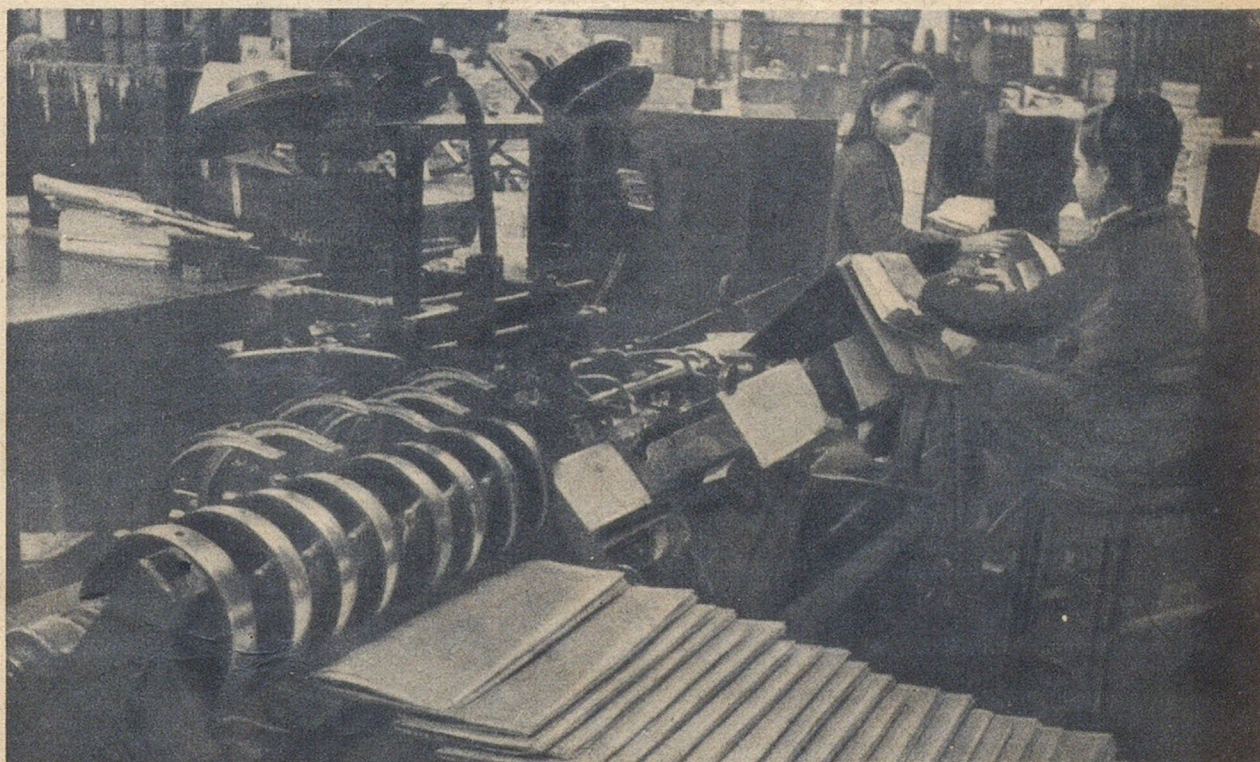
В. П. Пашенная. — Школа Малого театра. Б. Халип. — Станок и пюпитр. В. Горохов. — Сказ на экране. В. Сидорин. — Эпопея Краснодона. Е. Елагина. — Образ народного героя. И. Фёдоров. — И. Ф. Масанов. Ш. Вядро. — Молодые художники.

ЮМОР

В. Ардов. — В универмаге. Рисунки Мих. Милославского.

ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ
СТО ЛЕТ НАЗАД
ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРим
ШАХМАТЫ
ШАШКИ
КРОССВОРД

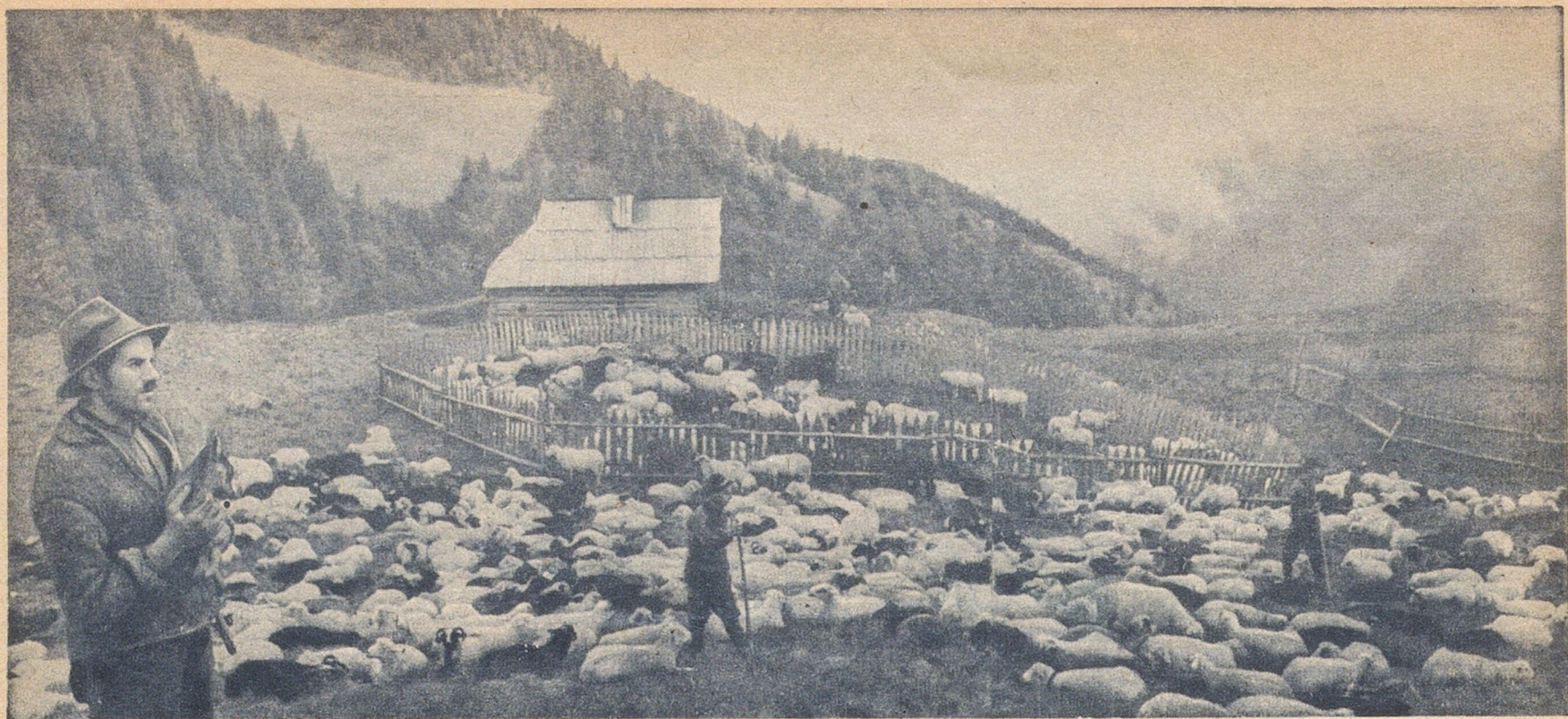
НА ОБЛОЖКЕ: югославская комсомолка, бывшая партизанка Мила Петрович. Фото О. Кнорринга.

Миллионы брошюр выпускаются нашими издательствами к предстоящей избирательной кампании. Печатаются массовым тиражом брошюры с текстом доклада товарища И. В. Сталина о проекте Конституции СССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, с речью товарища Сталина на собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы. Огромным тиражом издаётся «Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик». На наших снимках показано, как печатается эта книга в типографии газеты «Правда» имени Сталина. Вверху: ротационная машина, печатающая «Конституцию СССР», на полном ходу; у машины — стахановка Мария Маевская. Внизу: брошировка только что отпечатанной книги.

Фото С. Шнигарёва

Высокогорное пастбище в Карпатах.

ЗАРЯ НАД КАРПАТАМИ

Юрий Бураковский

Фото Г. Угриновича (ТАСС)

После нищих, курных хат на Верховине эта деревня выглядела странно и непривычно. Каменные добротные дома под цинком и черепицей, массивные, на много лет поставленные заборы, солидные хозяйственные постройки во дворах — настоящие маленькие крепости, отгороженные от всего остального мира.

Из нескольких дворов доносились лязганье тяжёлой цепи, двигающейся по проволоке, и грозное рычание пса. Дома строились богато, на несколько комнат, с верандами или террасами. И,

если заглянуть в окно, можно было разглядеть деревянные полы, мебель городского типа, швейные машины, рукописники. Во дворах штабелями были сложены толстые деревья — запас топлива не на одну зиму.

Все признаки говорили о том, что в этом селении, которое называлось Вышний Коропец, люди жили на удивление богато. Вековая карпатская нужда не заглядывала в эти хаты, скорее смахивающие на коттеджи. И только на окраине села попадались глинобитные домики, выкрашенные в знакомый

голубой цвет, с расплывшимися крышами, которым страшен был самый пустяковый дождь.

Первый же человек, которого я остановил на улице, рассеял все мои недоумения. Теперь стало понятным, почему в большинстве домов свободно гулял ветер, врываясь через распахнутые двери. Хозяева этих благоустроенных деревенских коттеджей бежали куда глаза глядят, едва услышав в Карпатах внушительный голос нашей артиллерии.

Это были немецкие колонисты,

удобно устроившиеся на закарпатской земле и выжившие в горы её законных владельцев. Многие крестьяне не захотели покинуть землю своих предков. Они и не заметили, как, нанимая однажды у немца лошадь для вспашки, получив займы посевное зерно или плуг напрокат, через несколько лет попадали на скамью подсудимых за неуплату долгов. Чтобы откупиться от тюрьмы, они шли к своему разорителю в батраки.

Твёрдый порядок сложился в селе: немцы — хозяйева, украинцы — батраки. Все эти фистеры, фиктеры и грессманы летом нанимали по десять—пятнадцать «берешей» — батраков.

— Беду нашу не перебеждать, журу не пережурить, — безнадежно говорили люди, проходя мимо веранд, на которых немцы в жару безмятежно попивали отличное мукачевское пиво.

Нынешний голова сельского народного комитета Фёдор Райда вместе со всеми тащил батрацкую лямку, жил в чужой хате и вместе с другими жаловался, что ничего не сделаешь с проклятыми немцами, которые всех опутали и превратили в рабочий скот.

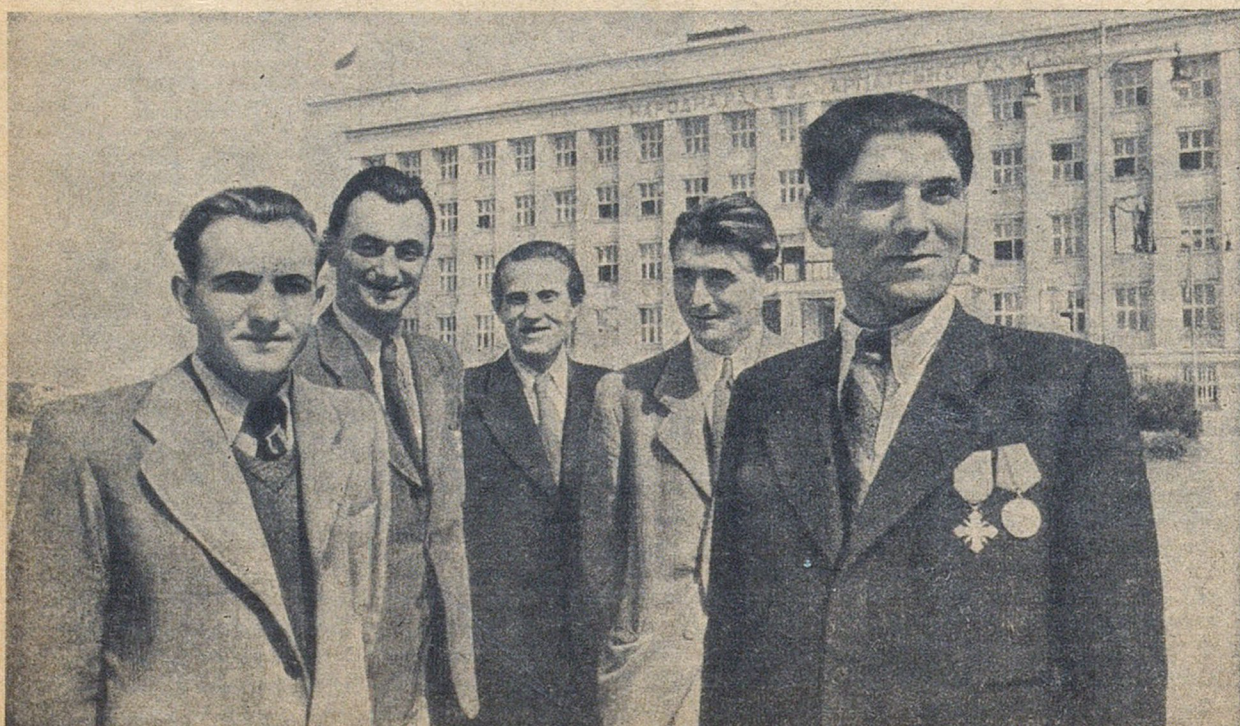
— Слава су! — традиционно ответил голова на моё приветствие, когда я вошёл в хату комитета.

Мы курили махорку, которой надел Райду знакомый красноармеец, и говорили о делах сельских и делах мировых. Я смотрел на чёрные потрескавшиеся ладони бывшего батрака, на пальцы, с усилием листавшие списки односельчан, наделённых землёй бежавших колонистов. Смотрел и вслушивался в голос, в котором звучала немного наивная гордость — смотрите: он, недавний батрак, так свободно говорит о государственных делах!

И не только говорит: вместе с товарищами по комитету он разделил землю, обошёл все дома, брошенные немцами, и определил, кому из бедняков куда и когда перебираться.

В этот момент скрипнула дверь — и порог хаты переступил высокий худой человек.

Достаточно было одного взгляда, чтобы определить, из каких мест этот человек. Всё в нём выдавало гуцула: и типичный резко очерченный профиль, и тёмный оттенок кожи, и характерные усы, и быстрый острый взгляд.

Группа отряженных партизан Закарпатской Украины, принимавших активное участие в освобождении своего края от немецких оккупантов. Слева направо: бывший командир отряда П. Л. Зозуля, бывший комиссар отряда И. В. Шелевер, бывший помощник комиссара соединения В. В. Зозуляк, бывший командир отряда Н. А. Лагойда и бывший командир соединения В. П. Русин.

С удивлением смотрел я на его ряд. Непонятно было, как ещё держатся на теле пиджак и брюки! Можно было только подивиться искусству тех рук, которые пришивали одну заплату на другую. Запавшие щёки не оставляли сомнений: туберкулёз подтачивал это некогда сильное тело.

Я подождал, пока Бодрак и Райда трижды по складам перечитали какую-то бумажку и голова торжественно на ней поставил печать; это был акт на передачу беднякам немецкой мебели. Теперь можно было поговорить. И я узнал историю верховинца Василия Бодрака.

Василий Бодрак родился под шум вековых буков и сосен. Лес кормил его отца, лес давал хлеб Василию и его маленькой семье. Топором зарабатывал он на жизнь, и хотя хлеб был всегда овсяным или кукурузным, ни Василий, ни жена его Мария не роптали; вокруг себя они никогда не видели ничего лучшего и смирились со своей убогой жизнью.

Возвращаясь домой, лесоруб обессиленно падал на постель, гудели от напряжения руки и ноги. Но всё же над головой была крыша, и шутки неунывающей Марии, и лепетание дочурки как-то скрашивали безрадостные дни и месяцы.

Беда, сколько её ни жди и не предчувствуй, всегда сваливается неожиданно. Эта беда была страшной голода, страшной безработицы, — рядом с ней все житейские невзгоды показались мелочью.

На лесных дорогах появились немцы. Они сскакивали со своих высоких грузовиков и со всех сторон оцепляли горные селения. Немцы считали ненужным объяснять своё поведение. Когда под плач жены вытолкали Василия на улицу, там солдаты уже строили в ряды десятки других лесорубов. Толпу погнали к железнодорожной станции.

Так Василий Бодрак попал в Германию. Гуцул стал шахтёром.

На рассвете, когда начинали бледнеть звёзды, он спускался под землю и выбирался наверх, когда в небе сияла далёкие созвездия.

Он, привыкший с детства к целебному воздуху Карпат, задыхался в мрачных туннелях штолен. Килограмм хлеба выдавали на неделю белым рабам из гор.

Не раз ослабевшие руки выпускали отбойный молоток, не раз подгибались ноги, темнело в глазах от голода. Однажды Василий очнулся на рельсах подземной узкоколейки. Над собой он увидел сжатую в кулак волосатую руку надсмотрщика и колёса угольной вагонетки.

— Чорт знает что, дамские обмороки! — брезгливо процедил немец и перешагнул через тело верховинца. — Вон отсюда!

Этот обморок принёс спасение. «Ливонии» не нужны были инвалиды, и Бодрака выгнали с шахты...

Земляки не узнали Василия, когда он впервые после Германии появился на сельской улице. Судорожно цепляясь за ограды, медленно двигаясь получеловек, полутруп. Жёлтая, болезненная кожа обтягивала острые скулы, с плеч свисали лохмотья. Жена и повзрослевшая дочь с плачем кинулись Бодраку на шею, а он, не выдержав последнего напряжения, вместе с ними рухнул на пол.

Но вот раскатыстое эхо донесло в селение грозный, могучий рёв русских пушек: в горы с жестокими боями пробивалась Красная Армия.

Перед тем как бежать, немецкие солдаты врывались во дворы, не обращая ни на кого внимания, словно перед ними были не люди, а деревья, увозили скот, выгребали из всех уголков последние остатки пищи и скарба.

В огне пылали хаты, вместе с чёрными столбами дыма к небу возносились истошные вопли женщин.

Немцы и мадьяры увели скот, угнали население. Но Василию и группе его односельчан удалось скрыться. А Красная Армия неудержимо шла вперёд и вперёд.

Бросая виллы и дома с названным добром, бежали фашистские захватчики по долинам Турьи и Латорицы. И Василий Бодрак, выйдя из своего душевного погребца на чистый осенний воздух, смотрел, как мимо него на возах, машинах, велосипедах, а то и просто пешком удирают кула-

Остальное я увидел сам.

Он повёл меня в свой дом. После лесной хибарки дом этот должен был казаться дворцом. Бодрак ещё не ловко чувствовал себя в просторных и светлых комнатах и осторожно ступал по сияющим чистотой половицам. За окном виднелся возделанный уголок большого огорода. Жена гуцула и дочь с сапками в руках возились на грядках.

Верховинец, разорённый немцами, ныне хозяин в доме бежавшего немца — в этом была высокая справедливость!

Когда Народный комитет предло-

рал по зерну посевной материал, который дали в комитете, с рассвета до темноты вывозил на поле удобрение, он вырывал своими руками каждый стебелёк сорняков, он знал, что всё теперь зависит от него самого, и он даже немного меньше задыхался от кашля в это лето возвращения к жизни.

Мы идём рядом. Я вижу только тяжёлые пшеничные колосья, дружный взмах блещущих вдали кос. А Василий Бодрак видит совсем другое. Сложив руки на груди, он задумчиво смотрит в мерцающую от солнца даль, в горы, лилово-сизой грядой протянув-

Гуцульская молодёжь села Квасы, Раховского округа.

Крестьянки-гуцулки на улицах Ужгорода.

ки-колонисты из Софии, Вышнего Коропца и других сёл, — все эти герберы, фистеры, шульцы, минстеры.

Нет, не напрасно он страдал, если дожид до этого святого часа! И когда жена и дочь бросились на шею смуглому юноше — советскому офицеру, Василий тоже шагнул к нему:

— Будь мині за сина. Як звати тебе, чоловіче?

— Василь, — сказал пехотинец с погонами лейтенанта, — охочу, батьку мого німці закатували в Полтаві...

И они обнялись.

Вот что рассказал мне в тот день верховинец Василь Бодрак в селе Вышний Коропец на Мукачевщине.

жил бездомному гуцулу прекрасный дом немецкого колониста, он сначала принял это за злую шутку. Кто же ему в жизни когда-либо сочувствовал, а тем более протягивал руку помощи? Такой дом, с огородом, с хозяйственными постройками, — и бесплатно!

Народный комитет ему предлагает... Что это такое Народный комитет? Всегда был староста, мадьяр или «мадьярон», который без взятки и на порог не пускал.

Я иду с Бодраком через поле, высокие хлеба янтарно-жёлтой волной плещутся под ослепительным июльским солнцем. Земля! Василий врезался в эту землю плугом, он переби-

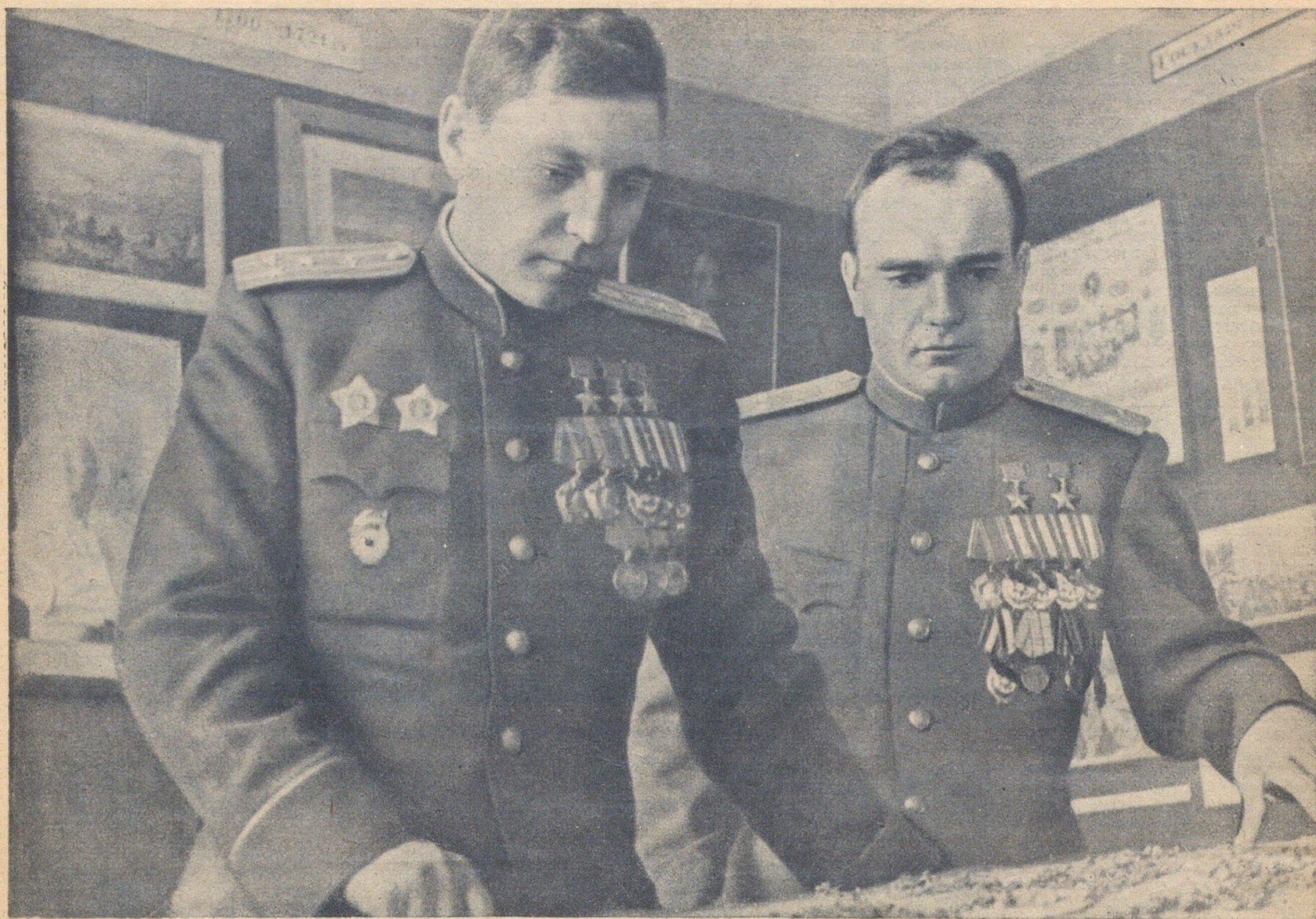
шился на горизонте. Он, должно быть, видит всю свою прошлую тяжкую жизнь в карпатских верховинах и ту узкую скользкую тропу, по которой он карабкался много лет и всегда срывался, разбиваясь в кровь. Перед его взглядом долина Латорицы, весёлый, шумный прибой хлебного моря и широкий мир, в котором он впервые почувствовал себя человеком и хозяином на земле.

— Ось і мій врожай, — спокойно говорит Василий, поворачивая ко мне лицо, — зішнов-таки.

И я понимаю, что он хочет сказать. Вышний Коропец.

ПОКРЫШКИН УЧИТСЯ

Трижды Герой Советского Союза А. Покрышкин и дважды Герой Советского Союза В. Лавриненков в Военно-историческом кабинете Академии имени Фрунзе рассматривают макет Полтавского боя.

Фото Г. Капустянского

Как только кончилась война, трижды Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин прилетел в Москву. В те дни в Управлении Военно-Воздушных сил должен был состояться разговор, которому Покрышкин придавал большое значение. Он много думал и волновался, представляя себе разговор с маршалом.

Маршал спросил:

— Чем бы вы теперь хотели заняться, полковник?

Не раздумывая, Покрышкин ответил твёрдо:

— Учиться.

Все, кто находились в этот момент в кабинете маршала, были несколько удивлены. В авиационных кругах, где Покрышкина хорошо знали как непревзойдённого мастера воздушного боя, штурмовика, разведчика и даже авиатехника, это твёрдо сказанное «учиться» прозвучало странно. На самом деле Покрышкин за время войны стал не только лучшим советским «ассом», новатором, законодателем нового стиля воздушной войны, учителем десятков и сотен молодых пилотов, но и обладателем одного из самых почётных званий в авиации — «лётчика-универсала». Он достиг совершенства, «потолка» в своём деле, и было бы естественным предположить, что первое, чем должен за-

няться Покрышкин, — это обобщение того огромного и разнообразного опыта, который накоплен авиацией в Великой отечественной войне. Такое соображение и высказал маршал.

Покрышкин задумался.

Да, эта мысль его чрезвычайно занимает, и он предполагает написать книгу, которая могла бы служить пособием для молодых лётчиков, но главное сейчас, когда война закончилась, — учиться самому.

— Я считаю, что во многом отстал за годы войны, — просто сказал Покрышкин.

Ни маршал, ни генералы, присутствовавшие при этом разговоре, не стали возражать, и на следующий день Покрышкин написал заявление-рапорт на имя начальника Военной академии имени Фрунзе с просьбой допустить его ко вступительным экзаменам.

Через некоторое время он выехал в Загорск, где уже начались занятия будущих слушателей Военной академии. Здесь Покрышкин должен был пройти двухмесячные подготовительные курсы.

* * *

Во время войны мне приходилось несколько раз встречаться с Александром Ивановичем на фронте и в Москве. Всегда занятый, беспокойный,

всегда куда-то торопящийся, он производил впечатление человека, постоянно живущего в напряжении. Вот почему было странно видеть его в Загорске за книгой с карандашом в руках. Было странно разглядывать его студенческие тетрадки, на обложках которых ровным почерком было выведено: «А. И. Покрышкин. 1-й курс «А». Было странно видеть эти тетрадки с конспектами лекций или сложными вычислениями.

* * *

Наднях подготовительные занятия закончились. Экзамен Покрышкин сдал на «отлично».

Среди слушателей первого курса «А» был полковник Покрышкин. Раздалась команда «Смирно», по издавна установившейся в Академии традиции; под звуки старинного русского марша вынесли знамя, на алом полотнище которого сверкали три ордена Академии.

В наступившей тишине был зачитан приказ о зачислении слушателями Академии офицеров Красной Армии, успешно выдержавших государственные экзамены. Первым было произнесено имя полковника Покрышкина.

Преподаватели Покрышкина рассказывают о его ненасытности в учёбе.

Хотя курс содержит в себе достаточно глубокий объём знаний, Покрышкину всё кажется мало, и он опережает его.

— В годы Отечественной войны, — говорит Покрышкин, — у нас, боевых офицеров, редко выдавалось время, чтобы можно было серьёзно сесть за книгу. Вот почему сейчас, когда война закончена, попав в стены Академии, все мы с таким рвением принялись за учёбу.

Он рассказывает о том, что давно мечтал об Академии имени Фрунзе. Он мечтал о ней, когда был рядовым военным лётчиком. Он не пытался тогда поступить в Академию. Он считал, что путь в Академию должен лежать через бой. Он не ошибся. Основная школа пройдена на войне. Эта школа — 59 сбитых немецких самолётов. Только сейчас начинается вторая учёба, начинаются углубление и шлифовка знаний.

Нередко на лекциях по оперативнотактической подготовке или технике различных родов войск Покрышкин и его товарищи по Академии дополняют лекцию преподавателя примерами из своего боевого опыта. Эти примеры обогащают лекцию.

В учебной аудитории наступает особая тишина, когда из-за парты поднимается и начинает говорить трижды Герой Советского Союза Покрышкин.

С ДОНЕСЕНИЕМ К ФРУНЗЕ

Юрий Хазанов

Рассказ

Рисунки А. Шульца

Через полчаса Глушко уже скакал в Строгановку...

Донесение в штаб фронта вызвался доставить пулемётчик Василь Глушко. В последнем бою его ранило, и теперь, скупающий от безделья, он целыми днями бродил по тесной заснеженной деревушке, где раскинулся тыл полка.

Рана была не серьёзна: пуля продырявила мякоть у локтя. Глушко не пошёл в лазарет, считая, что всё пройдёт в два-три дня. Но пальцы затекли, потеряли силу, рука стала такой тяжёлой, что Глушко казалось: если бы не косынка, не поднять ему собственную руку.

Советские войска прорвали белогвардейский фронт у Каховки и вышли к Сивашу. Штаб фронта находился в деревне Строгановке.

Глушко казалась эта поездка привлекательной: побывать в самом штабе, размять кости, разогнать скуку... Была у него и ещё одна цель, о которой он никому не сказал.

Командир полка, зная боевые дела пулемётчика Глушко, охотно было согласился, но, взглянув на его руку, покачал головой.

— Та что вы на них смотрите? — убеждал командира Глушко, с трудом шевеля посиневшими и вспухшими пальцами. — Они с холоду у меня всегда такие...

Он упрямился командира и через полчаса уже скакал в Строгановку на тощем высоком рыжем коне.

В степи твёрдая земля звенела под копытами. Было ещё рано, а солнце светило ослепительно. Но к полудню тучи затянули небо, с востока подул тугой, колющий ветер, и по степи понеслась жгучая ледяная крупа. Рука у Глушко отяжелела ещё больше. Он прижимал её к груди, но каждый удар копыта о промёрзшую землю отдавался в руке горячей, ноющей болью.

Когда мутно-жёлтое солнце склонилось к западу, Глушко увидел вдали Строгановку. Он радостно усмехнулся и свистнул.

Конь фыркнул, споткнулся и побежал быстрее. На околице патруль проверил у Глушко документы и объяснил дорогу в штаб.

Дом стоял на высокой круче, в большом, по-зимнему голом саду. А глубоко внизу, под кручей, насколько видел глаз, разливался Сиваш, окутанный холодным зеленоватым туманом.

Глушко вошёл в штаб. На лестнице и в коридоре, прислонясь к стенам, стояли и сидели красноармейцы в старых, рваных шинелях, разговаривали вполголоса, курили.

В огромной комнате с овальными окнами было тесно, шумно и накурено. Глушко с трудом протиснулся к очкастому писарю:

— Мне бы к товарищу Фрунзе. Донесение привёз.

— Фрунзе нет, — почти сердито сказал писарь. — Где донесение?

Глушко неторопливо расстегнул шинель, потом гимнастёрку и достал пакет, завернутый в вышитый грязный носовой платок. Писарь унёс пакет в соседнюю комнату, где кто-то хрипло кричал в телефонную трубку, и, когда он вернулся, Глушко спросил, не найдётся ли местечко, чтобы немного отдохнуть с дороги. Писарь устало улыбнулся, пожал плечами:

— У нас тут, как сельди, сам видишь... Пристраивайся, где помилее... — и снова засуетился.

Глушко вышел и, удручённый неудачей, долго стоял у двери. Он взялся доставить донесение, надеясь хотя бы издали увидеть Фрунзе. Но командарма не было в штабе. Напрасно Глушко трясся в седле добрую сотню вёрст, напрасно растревожил руку, смертельно устал. Надежды не сбылись. Теперь найти бы свободный уголок, отлежаться, согреться и, собравшись с силами, двинуться в обратный путь.

В поисках такого уголка Глушко потащился на второй этаж. В длинном узком коридоре было пусто и тепло. Но и это не утешило Глушко.

— Ось тебе и штаб!.. — с горечью проговорил он. — «Пристраивайся, где помилее...»

Он понимал, что писарь меньше всего виноват в его неудаче и в том, что в штабе так неуютно, и всё же яростно выругал его. В это мгновение позади хлопнула дверь, щёлкнул замок и чей-то голос спокойно спросил:

— Зачем ругаешься?

Глушко оглянулся. Человек невысокого роста в поношенной солдатской одежде подошёл поближе, оглядел его быстрыми, чуть прищуренными глазами:

— С фронта?

— Откуда же? Донесение привозил.

— Ну, как там?

Глушко измерил его недружелюбным взглядом от головы до тупоносых сапог с высокими голенищами и подумал: «А ты бы сам съездил и посмотрел...»

— Там что? — сквозь зубы процедил Глушко. — Там порядку больше...

Человек улыбнулся:

— И хорошо, что там порядок. А ты чего такой злой? Отдохнул бы.

— Как раз отдохнешь тут! Чорта с два!

— Да, с отдыхом трудновато, — сказал человек, задумчиво потирая лоб. И кивнул: — Пойдём.

Открыв дверь, он пропустил Глушко в комнату. Высокая светлая комната казалась совсем пустой, потому что вся обстановка состояла из стола, на котором лежала растрёпанная книга, табурета у стола и узкой

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Семён Гудзенко

БИТВА В БУДЕ

Никогда я не забуду,
сколько буду на войне,
взбудораженную Буду,
потонувшую в огне.
И обломки переправы,
и февральский ледоход,
и Дуная берег правый,
развороченный, как дзот.
И того, кто самым первым
шёл на дамбу в полный рост —
мой отчаянный приятель,
севастопольский матрос.
Неприменно так случится:
мы придём издалека,
в шумном скверике,

в столице
повстречаю я дружка.
На скамейке смолкнут люди,
улыбнутся.

И опять
мы до поздней ночи будем
битву в Бude вспоминать.

г. Будапешт.

У ДУНАЯ

На чужой земле, у Дуная,
мне особенно дорога
непокорная речка лесная,
затопившая берега.
И гнездовья

на топиях болотных,
где шумит камышами весна.
И кочевья

гусей перелётных
и осенняя тишина.
На чужой земле, у Дуная,
я всегда её вспоминаю.
Но волнует любимую то, что
третий месяц всё писем нет.
Где-то возит солдатская почта
от меня новогодний привет.
Только почта не виновата.
Нелегко ей теперь, нелегко.
В чужездальные страны солдаты
далеко забрели, далеко.

г. Комарно.

ПОБЕДА

М. Максимов

Ему не спать. Ему перроны мерить,
забыв про котелок для кипятка.
Выспрашивать. И ждать. И сердцем верить,
что вот сейчас ударят два звонка,
что

рощи,
пашни,
пуши,
виадуки

на три минуты раньше промелькнут,
как будто могут все года разлуки
короче стать от этих трёх минут...
И в миг, когда, умывшись над ушатом,
возьмёт он полотенце у жены,
почувствует, как все друзья-солдаты,
что будто сразу смысл следы войны.
И, верно, будет невдомёк соседу,
хотя всю ночь проговорит он с ним,
что этот человек и есть Победа,
прошедшая через огонь и дым!

СТИХИ

Виктор Уран

Не всё, что хочется, нельзя,
не всё, что можно, допустимо,
бывает так, что есть друзья
и нет друзей... И дружба мимо.
Когда смертельно устаёшь
и землю щупаешь руками,
одна мигающая рожа
появится перед глазами.
Когда привальные костры
обсыпят пеплом твою спину,
ты вспомнишь комнату сестры
и с пышным бантом мандолину.

Ты вспомнишь утренний шалаш,
кружок воды, где след подковы,
и как метлиха и кругляш
сцепились на губах коровы.
В каких-то паутинках сна,
в какой-то дреме кудреватой,
ты вспомнишь, как была ясна
та дымка сизая над хатой,
как на кобыле во всю прыть
неслась мальчишеская смелость,
как можно было допустить
всё, что нельзя и что хотелось...

железной кровати, покрытой серым солдатским одеялом.

— Укладывайся. Сапоги только сбрось.

Глушко опустил на пол вещевой мешок.

— А вы як же?

— А я всё равно уезжаю деньков на десять... Тебе, может, перевязку надо? У нас тут свой костоправ имеется.

Глушко ответил, что сегодня утром ему делали перевязку и что он рад как можно реже встречаться с врачами.

Человек вышел, и Глушко с минуту слышал его частые негромкие шаги. Он лёг на кровать, показавшуюся ему необычайно мягкой,

и довольный тем, что счастье не совсем покинуло его, быстро уснул.

Среди ночи Глушко проснулся. Жёлтый свет керосиновой лампы ослепил его.

— Спи, спи, — тихо сказал человек. — А сейчас уйду...

Глушко протёр глаза, потянулся:

— И здорово ж я выспался!.. За всю войну!..

— Видишь, а ты ругался...

Низко склонясь над столом, человек поспешно складывал бумаги в полевую сумку. Глушко смотрел на его высокий лоб, исчерченный глубокими, длинными морщинами, на широкое смуглое лицо, и думал, что от лёгкого жития оно не было бы таким измученным и бледным. Конечно, в тылу тоже хватает мороки. И не всем же быть на передовой позиции.

— Вы при штабе, значит? — спросил Глушко.

— Да, вроде так...

У человека были ясные серые глаза; он шурил их, точно всё время внимательно присматривался к чему-то. Ему было не меньше сорока, а глаза у него бойкие, совсем молодые. Это удивило Глушко и придало ему смелости.

— Вы товарища Фрунзе видели? — шопотом спросил он, садясь в кровати.

— Как же, приходилось.

— А мне вот не повезло. Я из-за него сюда явился. Рука всё равно попорченная, делать нечего, подамся, думаю, в штаб, может, увижу. И разминувшись...

— Увидишь ещё, — рассеянно сказал человек, не отрываясь от бумаг.

— Мне бы хоть разок на него глянуть, хоть одним глазком. В бою знаешь: впереди он, — а увидеть ни разу не доводилось. Говорят, портреты его есть напечатанные,

так он не позволяет их вывешивать. Чудной человек!

— И правильно делает. На что портреты, скажи, пожалуйста? Оружие нужно, и побольше. Иначе не справиться с беляками.

— Так-то оно, конечно, так... Но я скажу, оружие — это ещё полдела, — оживился Глушко. — Недели две тому они как напали, нету спасения. Наши по-рачьему, — назад, назад. И вдруг прошёл крик: «Фрунзе! Фрунзе тут!» Рассказывают, приехал он на машине, потом на коня пересел — и в самую кашу... А за ним, понятно, все. За ним и без оружия пойдут, — убеждённо проговорил Глушко. — Сила в нём есть такая...

Человек негромко, залиvisto рассмеялся: — Они ведь тоже за своими вожаками идут...

— Куда они идут? — обозлился Глушко. — На погиль, вот куда! Что ни говори, доконаем мы их. Фактически. Потому, наш народ голодный и жадный до воли!

— Это другой разговор. Это правильно: голодный и жадный до воли...

Он достал из кармана кожаный потёртый портсигар, подошёл к кровати:

— Куришь?

— Курю. Беда у нас с куревом — четвёртый день без табака, — сказал Глушко и облизнул сухие губы.

Они закурили. Человек высыпал на стол зеленовато-серый холмик махорки и стал собираться в дорогу.

— Значит, едешь? — с досадой проговорил Глушко и замолчал. Он глотнул дым и, опустив голову, несмело продолжал: — Мне бы денёчка два тут... Рука подправится и, может, повезёт, вернётся он вскорости, дела на фронте ведь хорошие...

— Я напишу коменданту, чтоб тебя не тревожил, — затягивая ремень, отозвался человек.

Раскрыв полевую сумку, он оторвал клочок бумаги, что-то написал быстро, потом перекинул сумку через плечо и подошёл к кровати.

— Ну, прощай. Спи, поправляйся, — сказал он, улыбаясь своими серыми, удивительно молодыми глазами, и крепко пожал левую руку Глушко.

У двери он остановился:

— На окошке хлеб, консервы. Не стесняйся... — и ушёл.

Глушко прислушался к его шагам и, когда шаги затихли, снова улёгся. Но уснуть не мог. Было почему-то досадно, хотелось ещё говорить и говорить с этим тихим, задушевным человеком. Глушко встал, задумчиво прошёлся по комнате. Потом подошёл к столу, скрутил папиросу, и взгляд его упал на записку. Глушко медленно прочёл:

«Товарищ комендант, этот красноармеец до отъезда будет жить в моей комнате. Фрунзе».

Эту небольшую историю рассказал мне зимой 1943 года в деревне Строгановке, над Сивашом, пожилой пехотный майор Василий Тимофеевич Глушко.

— Значит, едешь? — с досадой проговорил Глушко...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Максим Горький

В седьмом или восьмом году, на Капри, Стефан Жеромский рассказал мне и болгарскому писателю Петко Тодорову историю о мальчишке, жмудине или мазуре, крестьянине, который, каким-то случаем, попал в Краков и заплутал в нём. Он долго кружился по улицам города и всё не мог выбраться на простор поля, привычный ему. А когда, наконец, почувствовал, что город не хочет выпустить его, встал на колени, помолился и прыгнул с моста в Вислу, надеясь, что уж река вынесет его на желанный простор. Утонуть ему не дали, он помер от того, что разбился.

Незатейливый рассказ этот напомнил мне смерть Сергея Есенина. Впервые я увидел Есенина в 1914 году, где-то встретил его вместе с Клюевым. Он показался мне мальчиком 15—17 лет. Кудрявенький и светлый, в голубой рубашке, в поддёвке и сапогах с набором, он очень напомнил слащавенькие открытки Самокиш-Судковской, изображавшей боярских детей, всех с одним и тем же лицом. Было лето, душная ночь, мы, трое, шли сначала по Бассейной, потом через Симеоновский мост, постояли на мосту, глядя в чёрную воду. Не помню, о чём говорили, вероятно о войне; она уже началась. Есенин вызвал у меня неяркое впечатление скромного и несколько растерявшегося мальчика, который сам чувствует, что не место ему в огромном Петербурге.

Такие чистенькие мальчики — жильцы тихих городов, Каауги, Орла, Рязани, Симбирска, Тамбова. Там видишь их приказчиками в торговых рядах, подмастерьями столёв, танцорами и певцами в трактирных хорах, а в самой лучшей позиции — детьми небогатых купцов, сторонников «древнего благочестия».

Позднее, когда я читал его размашистые, яркие, удивительно сердечные стихи, не верилось мне, что пишет их тот самый нарочито картинно одетый мальчик, с которым я стоял ночью, на Симеоновском и видел, как он, сквозь зубы, плюёт на чёрный бархат реки, стиснутой гранитом.

Через шесть, семь лет я увидел Есенина в Берлине, в квартире А. Н. Толстого. От кудрявого, игрушечного мальчика остались только очень ясные глаза, да и они как будто выгорели на каком-то слишком ярком солнце. Беспокойный взгляд их скользил по лицам людей изменчиво, то вызывая и пренебрежительно, то, вдруг, неуверенно, смущённо и недоверчиво. Мне показалось, что, в общем, он настроен недружелюбно к людям. И было видно, что он — человек пьющий. Веки опухли, белки глаз воспалены, кожа на лице и шее — серая, поблекла, как у человека, который мало бывает на воздухе и плохо спит. А руки его беспокойны и в кистях размотаны, точно у барабаника. Да и весь он встревожен, рассеян, как человек, который забыл что-то важное и даже неясно помнит, что именно забыто им?

...Есенина попросили читать. Он охотно согласился, встал и начал монолог Хлопуши. Вначале тра-

гические выкрики каторжника показались театральными:

— Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть!

Что ты? Смерть?

Но вскоре я почувствовал, что Есенин читает потрясающе, и слушать его стало тяжело до слёз. Я не могу назвать его чтение артистическим, искусным и т. д., все эти эпитеты ничего не говорят

о характере чтения. Голос поэта звучал несколько хрипло, крикливо, подрывно, и это как нельзя более резко подчёркивало каменные слова Хлопуши. Изумительно искренне, с невероятной силой прозвучало неоднократно и в разных тонах повторенное требование каторжника:

Я хочу видеть этого человека! И великолепно был передан страх!

— Где он? Где? Неужели его нет?

Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувства, такой совершенной выразительностью. Читая он побледнел до того, что да-

Сергей Есенин.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА ЕСЕНИНА

В Центральном государственном литературном архиве хранится большое собрание рукописей, писем и других материалов С. А. Есенина. Среди них находятся автографы произведений: «Анна Снегина», «Русь Советская», «Поэма о великом походе Емельяна Пугачёва», «Персидские мотивы», «Письмо матери» и др. Все они испещрены поправками, вставками и раскрывают углублённую работу поэта над текстом, его непрерывные творческие искания. Целые страницы рукописей густо покрыты авторскими исправлениями, множеством вариантов.

Публикуемый нами отрывок «Корабли плывут в Константинополь» — начало большого поэтического произведения и взят из черновой рукописи С. Есенина. Четыре страницы рукописи имеют множество поправок, целые строфы перечёркнуты совсем. Более закончены только первые, начальные строфы, которые мы и приводим.

Кроме рукописей творческого характера в архиве С. А. Есенина имеется библиография всех его произведений, им составленная, хранятся подлинные документы его ученических лет и фотографии этого периода, многочисленные письма друзьям и ряд других материалов, раскрывающих его творческий облик.

Значительное место в фонде занимают документы, характеризующие ранний этап в творчестве С. А. Есенина — петербургский период, сближение его с А. Белым, А. Блоком, С. Городецким.

Многочисленные письма к поэту из редакций журналов «Прометей», «Русская мысль», «Северные записки» свидетельствуют о том большом интересе, который возбудил расцветающий талант ещё совсем юного поэта в литературных кругах. К этому же периоду относится публикуемое нами письмо С. Есенина к А. Блоку.

Неустойчивый, юношеский почерк, неуверенный тон письма, вернее, записки, любопытны для Сергея Есенина того периода. Приписка Блока на этом письме — первое признание большим поэтом молодого яркого таланта.

* * *

Корабли плывут в Константинополь,
Поезда уходят на Москву,
От людского шума ль
Иль от скопа ль,
Каждый день
Я чувствую тоску.
Далеко я,
Далеко заброшен,
Даже ближе, кажется, луна,
Пригоршнями водяных горошин
Плещет черноморская
Волна.
Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожая всех, кого не жаль,
И гляжу всё тягостней
И пристальней
В очарованную даль...

ПИСЬМО ЕСЕНИНА А. А. БЛОКУ

Александр Александрович!

Я хотел бы поговорить с Вами.

Дело для меня очень важное.

Вы меня не знаете, а может быть, где и встречали по журналам мою фамилию.

Хотел бы зайти часа в четыре.

С почтением С. Есенин.

Крестьянин Рязанской губ. 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные. Приходил ко мне 9-го марта 1915.

(Приписка А. А. Блока).

же уши стали серыми. Он размахивал руками не в ритм стихов, но это так и следовало, ритм их был неуловим, тяжесть каменных слов капризно разноречива. Казалось, что он мечет их, одно под ноги себе, другое — далеко, третье — в чьё-то ненавидимое ему лицо. И, вообще, всё: хриплый, надорванный голос, неверные жесты, качающийся корпус, тоской горящие глаза, — всё было таким, как и следовало быть всему в обстановке, окружавшей поэта в тот час.

Совершенно изумительно прочитал он вопрос Пугачёва, трижды повторенный:

— Вы с ума сошли? —

громко и гневно, затем тише, но еще горячее:

— Вы с ума сошли?

И наконец совсем тихо, задыхаясь в отчаянии:

— Вы с ума сошли?

Кто сказал вам, что мы

уничтожены?

Неописуемо хорошо спросил он:

— Неужели под душой так же падаешь, как под ношей?

И, после коротенькой паузы, вздохнул, безнадежно, прощально:

— Дорогие мои...

Хор-рошие...

Взволновал он меня до спазм в горле, рыдать хотелось. Помнится, я не мог сказать ему никаких похвал, да он, — я думаю, — и не нуждается в них.

Я попросил его прочитать о собаке, у которой отняли и бросили в реку семерых щенят.

— Если вы не устали...

— Я не устаю от стихов, — сказал он, и недоверчиво спросил:

— А Вам нравится о собаке?

Я сказал ему, что, на мой взгляд, он первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишет о животных.

— Да, я очень люблю всякое зверье, — молвил Есенин задумчиво и тихо, а на мой вопрос, знает ли он «Рай животных» Клоделя, не ответил, пощупал голову обеими руками и начал читать «Песнь о собаке». И когда произнёс последние строки:

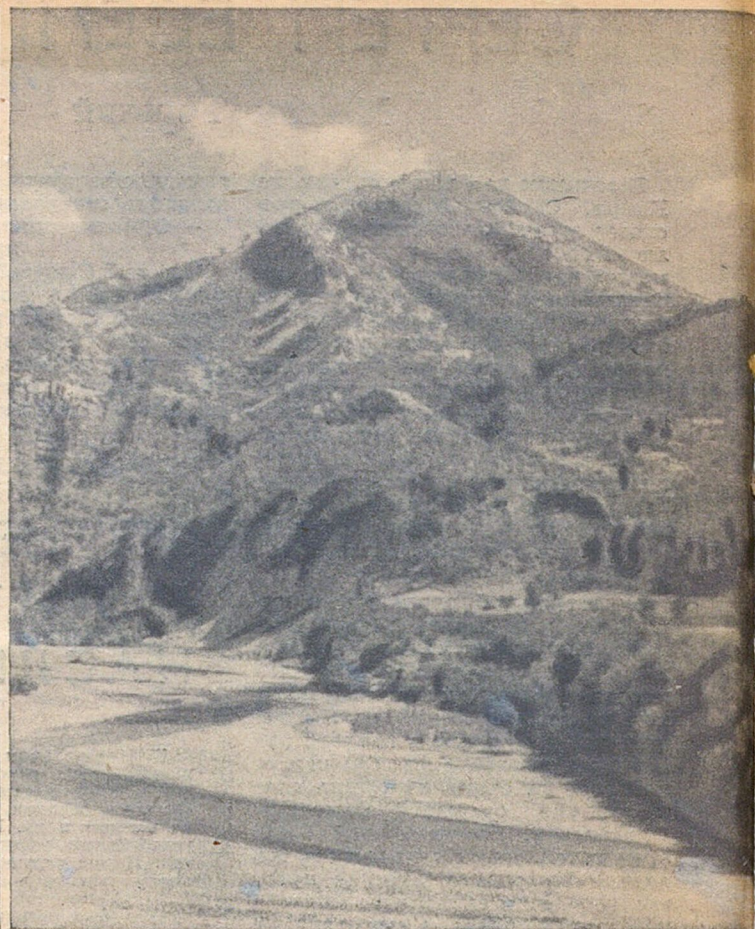
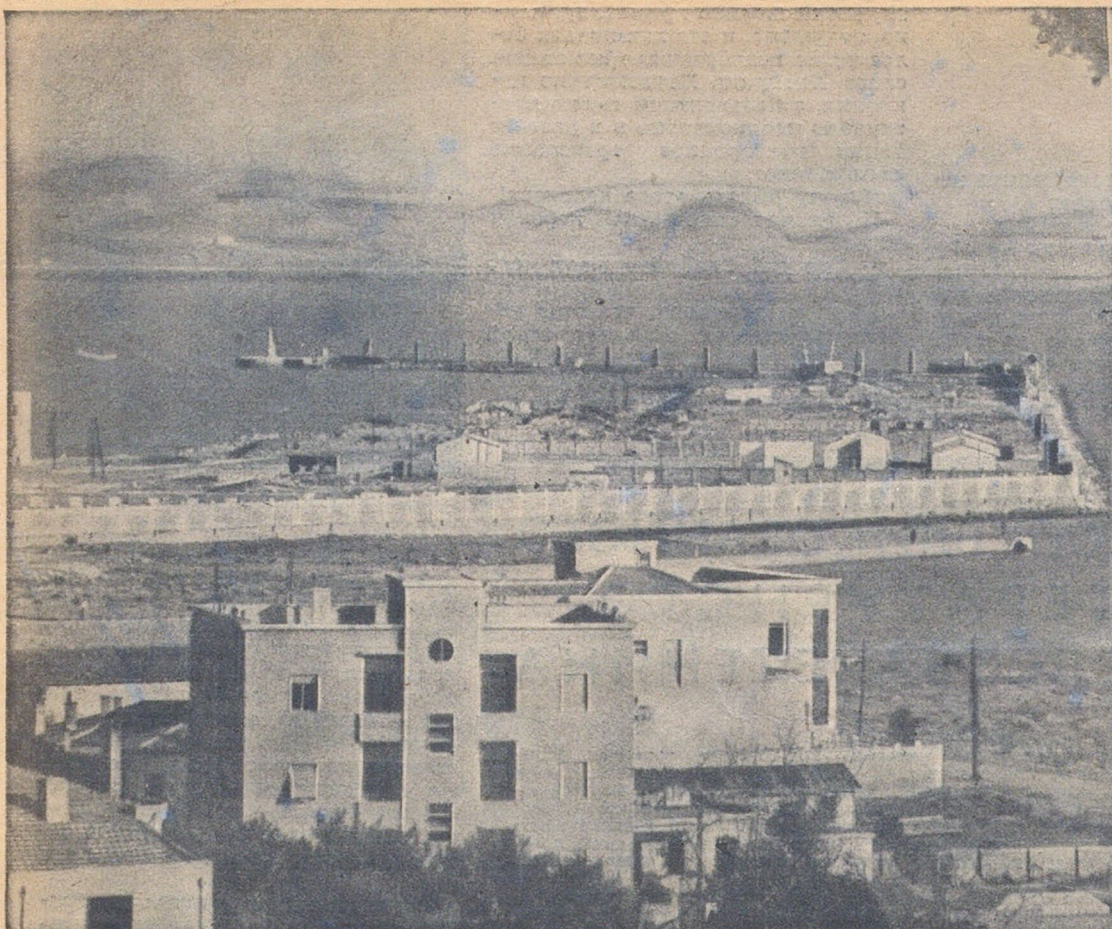
«Покатались глаза собачьи

Золотыми звёздами в снег» — на его глазах тоже сверкнули слёзы.

После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком.

(Отрывки из воспоминаний, 1927 г.)

У БЕРЕГОВ АДРИАТИКИ

Фото О. Кнорринга

Албания — самое маленькое государство Балканского полуострова, расположена на восточном берегу Адриатического моря.

В 1939 году итальянские войска вторглись в Албанию и оккупировали её. Но албанский народ не подчинился фашистским захватчикам и повёл с ними борьбу, которая приняла особенно ожесточённый характер в годы второй мировой войны, когда Албанию наводнили гитлеровские орды.

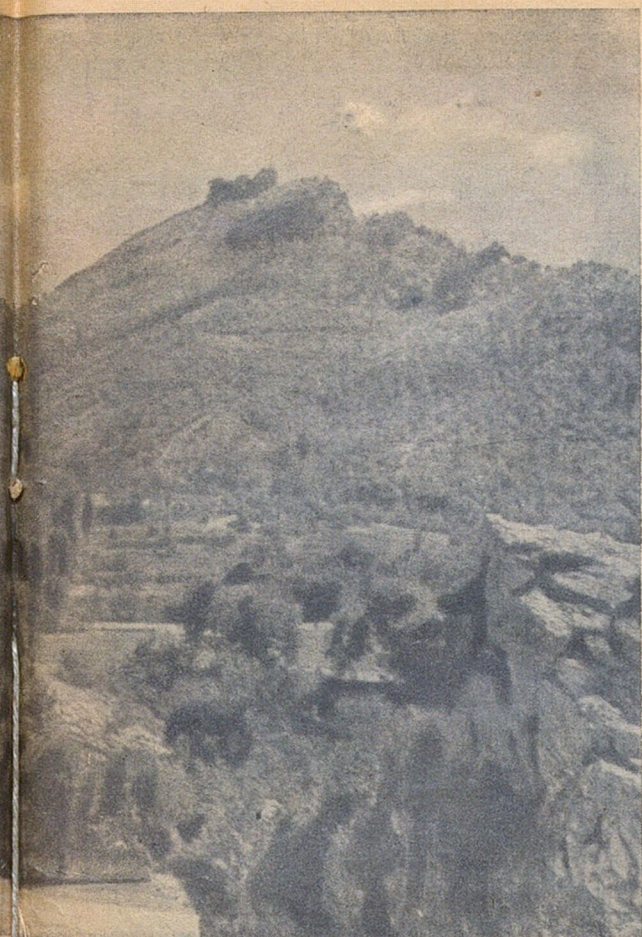
В боях с оккупантами создалась и закалилась 30-тысячная партизанская Народно-освободительная армия. Она не давала возможности немецким войскам отступить с юга Балканского полуострова через албанскую территорию. Ударты, наносимые Красной Армией немецким захватчикам, облегчили положение борющихся народов оккупированных стран и дали возможность албанской Народно-освободительной армии перейти в наступление. Албанские войска одержали победу под Керчей и Эльбасаном: после двадцати дней ожесточённой борьбы они освободили столицу Албании — Тирану.

Армия и правительство Албании неразрывно связаны с народом. Новое, демократическое правительство обеспечило народу полную свободу, национальное и религиозное равенство.

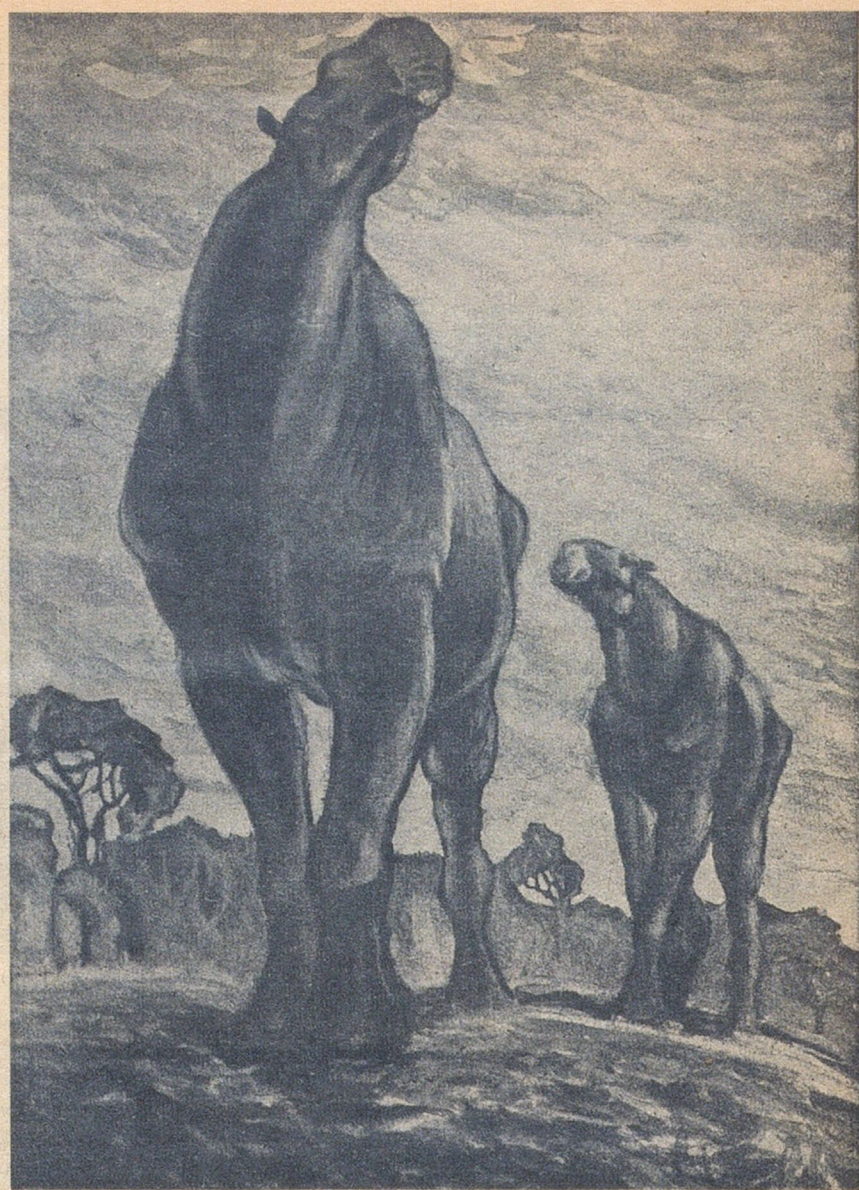
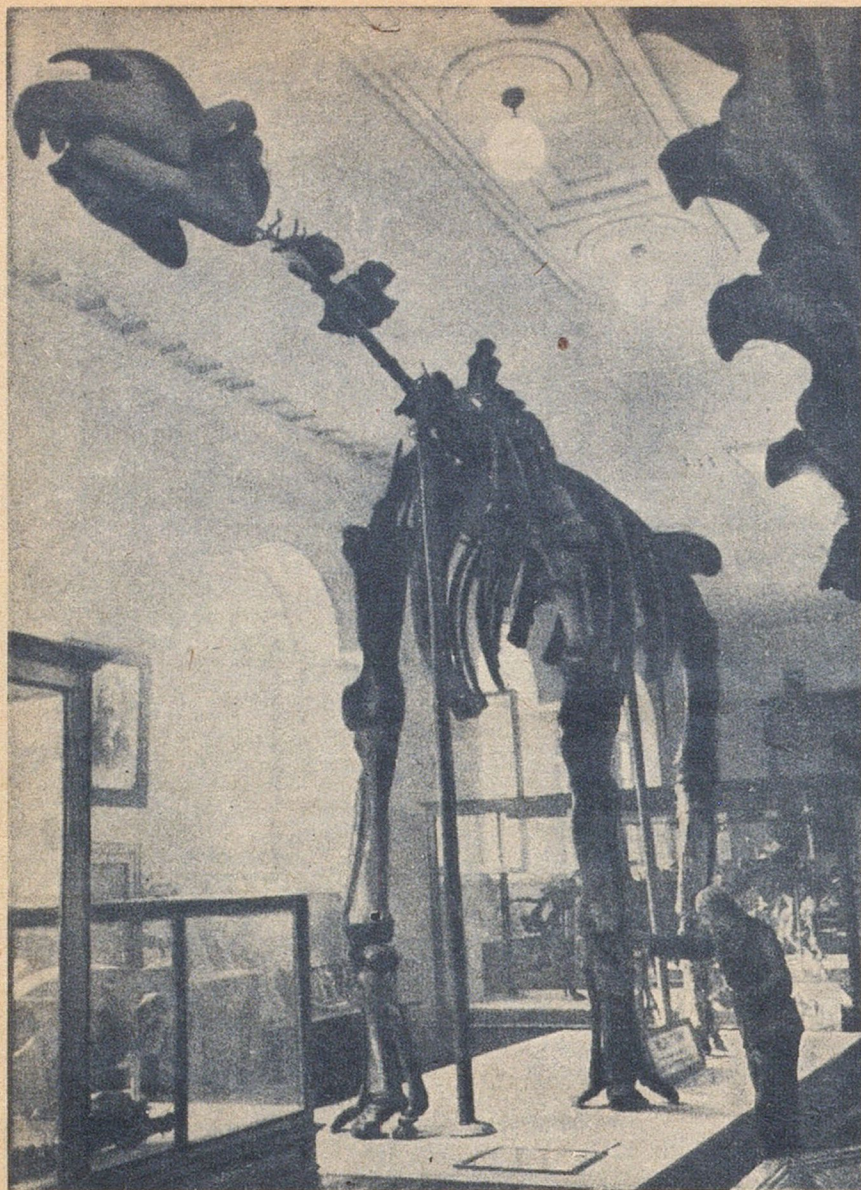
Теперь Албания готовится к выборам в Учредительное собрание. Впервые в её истории право голоса предоставлено гражданам обоего пола, достигшим 18 лет.

На снимках сверху (справа налево): 1. Порт Дураццо. 2. Типичный албанский пейзаж. Справа на вершине горы видны развалины старинной крепости. 3. Столица Албании — Тирана. Площадь у здания министерств. На снимках внизу: 1. Минарет мусульманской мечети в Тиране. 2. Албанская крестьянка у колодца. 3. Пятисотлетний платан. 4. Бойцы Народно-освободительной армии Албании.

На снимке слева: в зале Палеонтологического музея. Скелет индриктерия — гигантского предка носорога. Высота его — 6 метров, длина — 5 метров. Справа: картина работы заведующего музеем художника К. К. Флёрова, изображающая индриктерия.

СОТНИ МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД

Л. Русанова

Фото С. Шингарёва и А. Узян

Человеческое воображение бессильно представить себе мир таким, каким он был, когда зародилась жизнь на

Земле. Если бы существовала кинолентопись, запечатлевшая историю нашей планеты, и если бы представить

Череп большерогого оленя ледникового периода—современника мамонта. Найдён в окрестностях города Сапожок, Рязанской области, основателем местного музея краеведения доктором П. П. Стахановым и принесён Сапожковским музеем в дар Музею палеонтологии Академии наук СССР в Москве.

палеонтологов — учёных, изучающих историю жизни на Земле. Палеонтология изучает остатки животных и растений, которые сохранились до наших дней в окаменелых горных породах. Но время разрушило и уничтожило все мягкие ткани, кожные покровы, мышцы, сохранив только кости животных и следы на окаменевшей почве.

себе её обратный ход на экране, мы увидели бы, как низвергалась в океаны суша, как рассыпались и снова нагромождались горы, как моря наступали на пустыни и снова отступали, повинаясь капризам движения земной коры. Мы увидели бы первые живые существа, от которых нас отделяет не меньше 500 миллионов лет. Мы увидели бы, как изменялись и развивались эти живые существа одновременно с изменениями земной поверхности, потому что все эти большие и сложные изменения непрерывно заставляли животных принараиваться к новым условиям существования.

...Мы увидели бы гигантских ящеров, поднимающих голову до высоты современного четырёхэтажного дома, и пожирающих их ещё более гигантских хищников. Мы увидели бы стада огромных носорогов, бродивших по земле 35 миллионов лет назад. Мы увидели бы жизнь в озёрах, реках и морях панцирных, кистепёрых и двоякодышащих рыб. Многие из них плавали там, где мы сейчас живём, потому что земли Ленинградской, Псковской и Новгородской областей были когда-то дном девонского моря.

Мы знаем всё это благодаря трудам

Вот кусок породы, по которой когда-то прошёл зверь, отпечатки его пятипалых лап сохранились в камне, который был прибрежным илом. Палеонтологи, изучив и измерив этот след, говорят: примерно 160 миллионов лет назад этот след оставил хиротерий — человекообразный ящер, пробиравшийся к водоёму. Отпечаток крыла насекомого, листа папоротника, свернувшейся рыбки, след зверя — огромный материал, многолетние исследования которого воссоздают картины зарождения и первых тысячелетий жизни на Земле.

Существуют и более ясные документы прошлой жизни — кости и скелеты животных. Эти гигантские кости каких-то несусальных зверей издавна привлекали внимание людей, наталкивавшихся на странную находку при раскопках. Сохранился указ Петра I, призывающий народ: «...Ежели кто найдёт в земле какие старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, таковы приносили, за что дана будет довольная дача».

И кости во все времена и во всех странах собирались. Их находили и

Старший препаратор В. С. Бишов и заведующий музеем К. К. Флёров (вверху).

коллекционировали геологи, но изучили, поняли и описали их палеонтологи сравнительно недавно.

Палеонтология — молодая наука, она появилась только в начале прошлого века, когда французский учёный Жорж Кювье впервые описал скелет ископаемого животного. За этот срав-

нительно короткий срок палеонтология и палеоэкология (наука, выясняющая связь ископаемого организма со средой его обитания) дали миру ясное, обоснованное представление об истории жизни на земле.

* * *

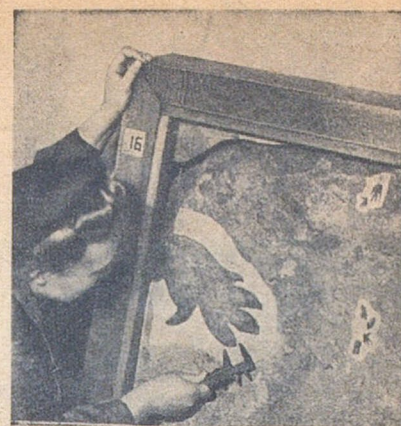
Человеческая фантазия убога в сравнении с расточительной изобретательностью природы. Это — первое, что приходит в голову при посещении Московского палеонтологического музея. И не только потому, что животные, населяющие землю, были гораздо чудовищней драконов и многоглазых змиев, рождённых фантазией человека, а потому, что почти всё, что создал человеческий гений, уже когда-то имело свой прообраз в природе. Так например поражает подобие естественного паруса на спине пресмыкающегося водного животного (диметродона).

Ископаемые животные поражают и своими размерами, хотя наш современник — кит (отдельные экземпляры кита достигают 30 и больше метров) — не меньше самого большого бронтозавра. В Московском палеонтологическом музее нет целого скелета мамонта только потому, что... пока нет для него места. Выставлен только череп мамонта с гигантскими бивнями, но и этой «детали» достаточно, чтобы оценить внушительные размеры этого предка нашего слона.

Палеонтологический музей Академии наук СССР существует с 1925

годами пополняется материалами, добытыми экспедициями Палеонтологического института. Некоторые экспонаты музея существовали и раньше и были выставлены для обозрения в Геологическом музее в Ленинграде. Первыми крупными находками русских палеонтологов были скелеты ископаемых животных, обнаруженные на берегах Северной Двины в 1898 году. Раскопки велись двенадцать лет. Их результатом был материал, не имеющий себе равных в мире. Полные скелеты парейазавра, иностранцев, дицинодонтов (пресмыкающихся, близких к группе млекопитающих) были первыми экспонатами музея. В музее хранятся слепки и скелеты животных — дар от иностранных учёных. Среди них поражает своими размерами слепок со скелета 25-метрового ящера — диплодока. СССР обладает одной из самых богатых в мире коллекций ископаемых животных. Ни в одном музее мира нет, например, скелета гигантского индриктерия или целого черепа мастодонта с лопатообразными бивнями.

Кости ископаемых животных обычно обнаруживаются в окаменелых горных породах. Препараторы отделяют их от породы. Палеонтологи путём анатомического сравнения определяют, чьи это кости, возраст животного и период, к которому относится находка. Целый скелет — редкая находка. Чаще попадаются отдельные кости или даже осколки костей, из которых препараторы составляют кости и монтируют скелеты на металлических каркасах.

Старший лаборант музея А. Свечинская измеряет пятипалые следы хищника.

По буграм и впадинам костей палеонтологи мысленно одевают скелет мышцами, а потом и кожей. Так рождаются изображения ископаемых животных. Глядя на лёгкий узор на камне — отпечаток растения или крыла стрекозы, — палеонтолог рассказывает о болотах с нависшими над ними деревьями с тяжёлыми, непроницаемыми для солнечных лучей кронами, о тварях, копошащихся в стоячей воде, и даже о среднегодовой температуре, о климате этой местности. Точные знания учёного, воображение и талант живописца, сочетаясь, дают нам возможность видеть мир таким, каким он был миллионы лет назад.

Раскопки скелета мастодонта в Тургае (Казахская ССР). Научный сотрудник Института палеонтологии Беляева и препаратор Прохоров за работой.

СТАНОК И ПЮПИТР

Русская пляска в исполнении танцевального коллектива учащихся Ленинграда.

Фото Я. Халипа

В военные годы они вставали по утрам раньше своих сверстников, шли на занятия в класс, а потом работали на заводах и фабриках. Снаряды и парашюты, детали «катушек» и тракторов, электро-

аппараты, спасательные лодки и многое, многое другое изготавливали юные патриоты. В свободные часы они сменяли молотки на смычки и домры, и в многоголосых хорах стройно звучали пре-

Лауреат Сталинской премии П. Бажов среди участников съёмки фильма «Каменный цветок». Сидят (справа): П. Бажов и постановщик фильма А. Птушко. Стоят (слева направо): оператор Ф. Проворов, режиссёр А. Слободкин, художники Г. Мясников и Н. Богданов.

СКАЗ НА ЭКРАНЕ

В Прагу выехала экспедиция «Мосфильма» под руководством заслуженного деятеля искусств А. Птушко, снимающая цветной фильм «Каменный цветок» по одноименному сказу лауреата Сталинской премии П. Бажова из сборника «Малахитовая шкатулка».

Сценарий фильма написал автор сказки П. Бажов, сохранивший и в сценарии наряду с элементами фантастики реалистические черты жизни рабочих старого Урала.

Большие трудности стоят перед актёрами фильма. Им придётся овладеть своеобразием уральской речи и передать её поэтичность. В главных ролях снимаются молодые актёры: В. Дружинников (игравший роль Незнамова в фильме «Без вины виноватые») и студентка актёрского факультета ВГИК К. Деревенщикова. В роли Хозяйки Медной горы в фильме будет сниматься заслуженная артистка республики Т. Макарова.

Художники фильма — выпускники Г. Мясников и Н. Богданов; оператор — Ф. Проворов. Фильм будет цветным.

П. Бажов принял деятельное участие в подготовке к съёмкам: консультировал эскизы художников и режиссёрский сценарий, специально приехав в Москву из Свердловска, где он постоянно живёт.

По проекту постановщика фильма А. Птушко на Пражской киностудии, используемой как база для съёмок, будет сооружён большой поворотный круг, на котором рядом будет построено несколько декораций: это позволит осуществлять сложные панорамы.

В Праге экспедиция «Мосфильма» пробудет три месяца.

В. Горохов

красные народные песни и классические произведения.

Крупнейшие мастера искусств консультируют и руководят ансамблями учащихся ремесленных училищ, кружками и сольными выступлениями ребят. Лауреат Сталинской премии, народный артист РСФСР И. Моисеев, заслуженный артист РСФСР, профессор В. Небольсин, А. Свешников открывают многочисленный список высококвалифицированных руководителей 978

Ученица Нелли Богуш исполняет в сопровождении хора русскую народную песню «Вниз по матушке по Волге».

хоров, 96 духовых оркестров, 601 танцевального коллектива, 169 драматических кружков, 121 оркестра народных инструментов Государственных трудовых резервов.

Ежегодный осенний показ в Москве лучших номеров самодеятельности ремесленных и железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения всех союзных республик стал не только прекрасной традицией, но и крупным событием в художественной жизни столицы.

Один за другим следуют музыкальные, акробатические, танцевальные, певческие номера, вызывая шумные аплодисменты публики. Они доставляют своим искусством подлинное эстетическое наслаждение.

Сюита из украинских народных танцев в исполнении коллектива учащихся Украинской ССР.

Студенты училища имени Щепкина на уроке танца.

Фото Б. Цейтлина

ШКОЛА МАЛОГО ТЕАТРА

Училище имени Щепкина при Малом театре существует более восьмидесяти лет. В нём учились такие замечательные актёры, как народные артисты Пров Садовский, Рыжова, Массалитинова, Турчанинова, Остужев, Ленин, Яковлев и другие.

В 1910 году царское правительство закрыло училище, и только после революции оно вновь возобновило свою деятельность. Первыми после революции училище окончили заслуженная артистка Половикова, заслуженный деятель искусств профессор Каверин, заслуженный артист Меер и другие. С 1919 года училище воспитало много актёров, по праву занимающих ведущее место в театрах Москвы и других городов Союза. Не прекращались занятия и во время войны; выпущенные в этом году молодые актёры показали «Снегурочку» Островского, «Отчий дом» Катаева и вечер старинных водевилей. В этих спектаклях молодые актёры с успехом выступали в Северной Осетии, городе Дзау-Джикау. Есть очень ударённая молодёжь. Хочется назвать актрису Розк, принявшую в Малый театр, Колумбову, Петрову, Богданову, Исакову, Ратнер.

В училище три факультета: актёрский (руководитель — народная артистка В. Н. Пашенная), речевой (руководитель — народная артистка Е. Д. Турчанинова) и театроведческий (руководитель — доктор искусствоведческих наук профессор В. А. Филиппов). Мастерство актёра преподают народный артист К. А. Зубов, заслуженный артист В. И. Цыганков, артисты А. И. Благонравов, М. И. Гладков, И. В. Полонская. Кроме специальных предметов актёры обучаются танцам, пению, фехтованию и теоретическим дисциплинам.

В процессе учёбы студенты проходят практику в Малом театре, играя массовые сцены, эпизоды, а иногда и роли. Молодая актриса Харьковская, будучи студенткой второго курса, сыграла ответственную роль Аниски в «Нашествии» Леонова.

В этом году в училище принято тридцать человек, с которыми уже начались занятия.

В. Пашенная,

народная артистка СССР

Трудно выделить лучшие номера показа. Буквально в каждом есть своя особая, неповторимая прелесть. Пожалуй, самый большой успех выпал на долю Магнитогор-

ского коллектива — особенно простого и благородного в своих песнях и плясках. Обращают на себя внимание незаурядная музыкальность и хороший голос Тамары Новиковой, выразительно поющей старинную русскую песню «Не брани меня, родная». Весёлое оживление в зале вызывает карело-финская игра-танец «Бычки». Увлекательны хореографические номера учащихся Грузии и Узбекистана.

Каждый год, после очередного показа самодеятельности трудовых резервов, наиболее одарённых его участников направляют в профессиональные артистические школы, открывая им путь к настоящему, большому искусству.

Е. Халип

ЭПОПЕЯ КРАСНОДОНА

Новое произведение А. Фадеева «Молодая гвардия» волнует читателей самых разнообразных возрастов и вкусов. Что же подкупает в романе Фадеева? Правда о нашей замечательной молодёжи, верное изображение светлого облика русского человека, его нравственной красоты, величия и превосходства советских людей перед врагом, ныне поверженным в прах.

Перед взором читатели возникают образы героев, беззаветно любящих свою преобразённую революцией родину и отдающих ей свои силы, молодость и жизнь. Вдохновляюще правдивы судьбы людей краснодонского подполья. Как стрела, спущенная с тетивы, стремит Сергей Тюленев свой полёт к подвигу и героизму во славу родины. Обаятельна Люба Шевцова — «Любка-артистка», — легко несущая страшное бремя войны. Прекрасны в своей сосредоточенности Ульяна Громова и Валя Борц. Романтичны и в то же время совершенно реальные образы Жоры Аругюнянца, Володи Осмухина, Анатолия Попова.

В роман о молодёжи

Александр Фадеев.

включены образы старых подпольщиков, представителей большевистской гвардии.

Романтический пафос, явно присутствующий в новом романе Фадеева, отнюдь не нарушает строгости, реалистической картины жизни героев в дни суровой войны. Напротив, лирическая взволнованность художника придаёт особую силу правде его рассказа.

В. Сидорин

ОБРАЗ НАРОДНОГО ГЕРОЯ

Новый роман писателя В. Сафонова «Дорога на простор» посвящён истории завоевания Сибири.

XVI столетие, эпоха европейского возрождения, было периодом бурного и могучего расцвета России. Царь Иван IV собрал под скипетром Московского государства русские земли. В его царствование Россия вела победоносные войны, прокладывала пути к морям, открывала и осваивала новые и обширные пространства. В самой гуще народной появлялись в то время замечательные военачальники, зодчие, исследователи, путешественники.

В своей книге Сафонов, воссоздавая эту эпоху, обращается к образу народного героя Ермака, который стоит на «перепутьи исторических дорог».

Книга Сафонова написана языком, близким к языку XVI века России; она богата народными образами; в ней много бытовых подробностей и жанровых картин. Роман открывается описанием планирования Ермака по Дону, когда формировалась его воляница. В. Сафонов очень убедительно показывает, как в то время русский народ сам начал прокладывать «дорогу на простор».

В 1581 году атаман Ермак с небольшим войском перешёл границу Европы и выступил в поход против хана Кучума. После четырёхлетних боёв, пройдя за это время огромные пространства, Ермак присоединил Сибирь к России. Этот поход был так доблестен и необычен, что даже современникам он казался сказкой. Сам Ермак погиб в расцвете сво-

kozy» камни, «ермаковы» деревни и городки.

В своей книге Сафонов обращается не только к образу храброго атамана, а прежде всего хочет показать его эпоху. Мы видим Ивана IV в Москве; и купцов Строгановых, разведывающих Урал, живущих, по тогдашним представлениям, на самом краю земли Русской; и народные массы, которые стремятся перешагнуть этот край, потому что они чувствуют в себе мощь и силу богатыря, создателя испо-

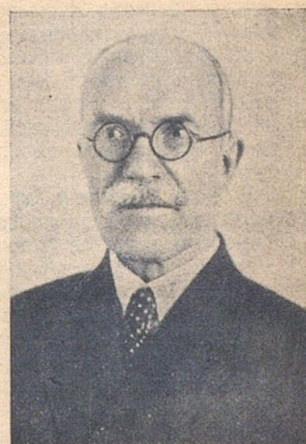
Литература и искусство

линского государства. «Жизнь народа, — говорит писатель, — проясняет нам образ народного героя... Он — порождение и преломление её. Он — частица её».

Е. Елагина

И. Ф. МАСАНОВ

(1884 — 1945)

И. Ф. Масанов.

Немало славных сынов и самородков породила наша страна. Немало видных деятелей литературы и искусства, науки и техники подарила она миру. К числу их нельзя не отнести Ивана Филипповича Масанова, автора «Словаря псевдонимов русских писателей и учёных».

Сын крестьянина Владимирской губернии, Масанов рано начал свой трудовой путь. Десятилетним мальчиком, по окончании сельской школы, пришёл он в Москву, на заработки: работал каменщиком, маляром, кровельщиком, упаковщиком, рассыльным, конторским служащим и одновременно пополнял свои знания самообразованием.

Его «университетами» были непреклонная воля, исключительное трудолюбие, огромная жажда знания и страстная любовь к книге. Книга была для него, как и для М. Горького, «одним из величайших и таинственных чудес земли», «очарованием», «волшебным источником знания».

Иван Филиппович работал самоотверженно, изумляя всех исключительным разма-

хом и широтой тематики научных изысканий, безусловным знанием материала, глубиной исследования, научностью методов и профессиональной точностью.

Среди его библиографических трудов особое место занимает «Словарь псевдонимов русских писателей и учёных», над которым он работал свыше 40 лет. Им раскрыто свыше 80 тысяч псевдонимов писателей, учёных и политических деятелей, оставивших более или менее заметный след в истории русской общественности, литературы и науки.

Немалое место в наследии Масанова занимают и другие труды его, как например библиография А. П. Чехова, первый указатель сочинений писателя, а также «Чеховизана» — плод усердного, кропотливого и многолетнего, любовного труда, полезного не только для специалиста, но и для просто внимательного читателя и культурного человека.

Не будем останавливаться на других сторонах творческой работы Масанова, так плодотворно развернувшейся особенно после Октябрьской

революции. До конца жизни он был верен этому делу и умер за рабочим столом на 71-м году жизни.

Личное обаяние Масанова было велико. Добрый и отзывчивый, живой и общительный, он акуратнейшим образом отвечал на запросы своих многочисленных корреспондентов. А сколько было этих запросов!.. И как разнообразны и подчас назойливы бывали они. Так, одни, например, просили расшифровать подпись «М» под стихотворением в «Женском вестнике» 1866 года или узнать, кто подписывался знаком вопроса в журнале «Оса» 1863—1864 годов, другие желали знать имя литературного критика 70-х годов, подписавшегося цифрой четыре... Масанов всем оказывал посильную помощь.

И. Фёдоров

МОЛОДЫЕ ХУДОЖНИКИ

В мастерских Киевского художественного института сейчас напряжённо работает группа выпускников — молодых живописцев, скульпторов, архитекторов. Вскоре этот вуз окончит 21 человек.

Фёдор Самусев темой своей дипломной работы избрал подвиг героя Отечественной войны сержанта Приходько. «Живыми нас не возьмёте!» — как бы говорит лицо и фигура каждого из трёх героев — и раненого в голову Приходько, отстреливающегося из пистолета, и автоматчика, который, целясь, прислонился к щели окна, и раненого пехотинца...

Сергей Григорьев третий год работает над картиной о Зое Космодемьянской. Он побывал в Подмоскowie, встречался с участниками партизанского движения, был у матери Зои, беседовал с ней, собрал много материалов для картины.

Молодой скульптор Макар Вронский воспроизвёл в скульптуре эпизод из героической борьбы советских бойцов с немецкими «пантерами» и «тиграми». Он назвал свою работу «Истребитель танков».

...Моряк с бескозыркой наклонился к земле. С гранатой в руках готов он броситься на врага. Работа Вронского ещё не закончена, но и в теперешнем виде она раскрывает зрителю своё глубокое содержание: в скульптуре уже чувствуются экспрессия и динамика.

С молодым задором работают выпускники Анна Ярошик, Николай Рябинин, Леонид Чичкан и Слава Лившиц.

Много творческих замыслов и у будущих архитекторов. Владимир Павленко готовит проект нового театра в Киеве. Фёдор Лысов, Николай Головин, Нина Малюшина посвящают свои дипломные работы восстановлению городов Украины.

Ш. Вядро

Фёдор Самусев работает над картиной «Подвиг сержанта Приходько». Вверху, слева: Григорий Гутман за работой над скульптурой «Богдан Хмельницкий». Вверху, справа: Макар Вронский у своей композиции «Истребитель танков». Фото Наталии Боде

ОПЕРЫ РУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ В ИТАЛИИ

В истории музыкального театра есть любопытная страница. В XVIII веке в Петербурге побывали и по долгу здесь трудились выдающиеся композиторы Италии. На берегах Невы родился «Севильский цирюльник» — опера знаменитого Позиелло. Когда проворный брадобрей совершал победное путешествие по Италии и распевал свои арии в театрах Рима, Милана и Неаполя, многие восторженные меломаны даже не подозревали, что весёлый, разбитной Фигаро явился на свет в дальней стране льдов, именуемой Руссией.

В те же времена у дирижёрского пульта Петербургского театра становился прославленный Чимароза, один из создателей комической оперы. Пышный Джузеппе Сартти, блистательный Галуппи, как и многие другие мастера, также побывали в Северной Пальмире, столь радушной к талантам.

Летопись русского театра бережно сохранила страницы, связанные с развитием итальянской оперы. Но исчезли почти бесследно иные примечательные страницы, вписанные в ту же эпоху русскими музыкантами в историю искусства Италии.

Д. С. Бортнянский в 1786 году.

Когда итальянские путешественники так охотно пустились в дальний путь на север, русские таланты впервые двинулись за музыкальной наукой в Италию. Среди них был придворный певчий Дмитрий Бортнянский. Прошли немногие годы, и русский мастер предложил импрессарию театра Венеции свою оперу «Алкид». Для любого города Италии не было события важнее, чем премьера новой оперы. В такой день раньше срока кончалась деловая жизнь, пустели таверны и бурные потоки меломанов устремлялись к театру.

Премьера «Алкида» прошла в Венеции отлично. Через год зрители древней Модены с отменным удовольствием слушали новую оперу Бортнянского — «Квинт Фабий».

Засвидетельствовав свою высокую музыкальную образованность этими творениями, написанными в Италии, выдающийся русский композитор Дмитрий Степанович Бортнянский вернулся в Россию.

Бортнянский не был первым русским автором опер, шедших на итальянских сценах. За несколько лет до того театр Ливорно объявил о представлении оперы «Демофонт», сочинённой русским сеньёром Максимом Березовским. От далёкого прошлого до нас дошли только короткие сведения о жизни и трудах этого самородка. Получив образование в академии в Киеве, Максим Созонтович Березовский стал затем академиком музыки в Болонье. Предание связывает имя Максима Березовского с именем Вольфганга Амадея Моцарта. Даты говорят, что оба они почти одновременно получили почётные дипломы академиков Болонской филармонии.

Прошло всего несколько лет, и в театре Неаполя была представлена опера «Ринальдо» русского мастера Пьетро Скокова.

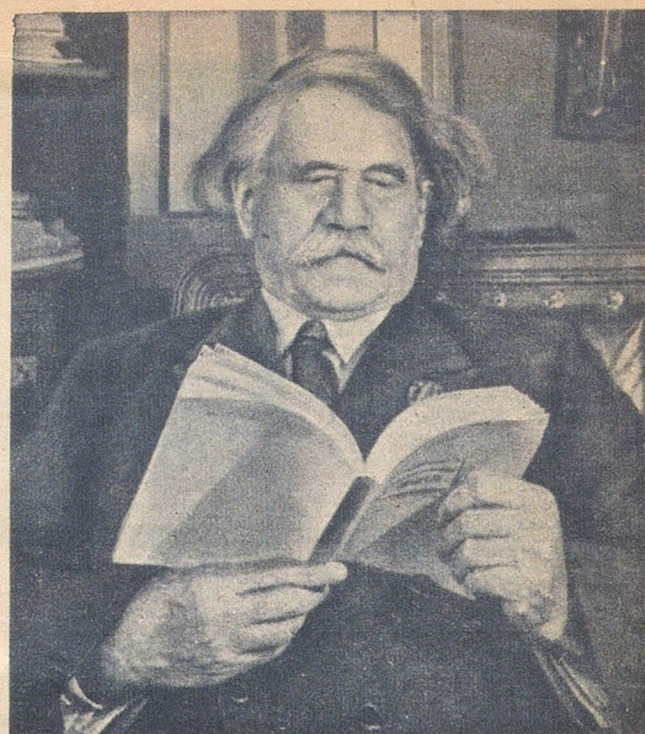
«Московиты», удивившие итальянцев необыкновенными способностями в музыке, вернулись в Россию. У каждого из них была своя судьба. Время не сохранило многих их произведений, в том числе и многих опер, шедших в Италии.

Е. КАНН

ДОМИК В АЛУШТЕ

Н. Полянов

Исполнилось 70 лет со дня рождения писателя и академика С. Н. Сергеева-Ценского. Ниже мы печатаем очерк нашего специального корреспондента, посетившего недавно С. Н. Сергеева-Ценского в его доме в Алуште.

С. Н. Сергеев-Ценский.

Издали, с высоты перевала, Алушта кажется совсем маленькой: словно живой оазис зелени, затерявшийся меж громадных каменных глыб. Приглядитесь, и вы увидите под ногами белые кубики домов, виноградники, прямоугольники фруктовых садов. А прямо перед вами уходит в небо огромное, бескрайнее море, и солнечные зайчики пляшут в его волнах до самого горизонта. Далеко уносится вперёд одинокий голый мыс Меганом. А за ним — снова хаос гор, каменные макушки Трёх Братьев, седой и хмурый Карагач... Вечерами горы становятся синими; они со всех сторон подступают к городку, и кажется, будто исполненные былинные дружинники в остроконечных шапках пришли сюда, чтобы оберегать сон людей. Внезапная темнота опускается в такие часы в долину, и только в волнах моря блещут опрокинутые звёзды да тихий шопот дубовых чаш нарушает безмолвное и величавое спокойствие южной ночи.

...Дорожка, усыпанная галькой, убегает от морского прибоя в парк — туда, где в тени кипарисов и акаций спряталась небольшая дача. Высокий старик медленно прохаживается по веранде, заложив руки за спину. Он то останавливается, посмотрит с прищуром на море, то опять продолжает свою прогулку. Неумолимое время посеребрило его волосы. Но взгляд всё так же молод, как много лет назад, а улыбка в густых усах всё так же задорна и лукава. Это писатель и академик Сергей Николаевич Сергеев-Ценский.

— Да с него Баяна надо писать! — воскликнул как-то один художник, впервые увидевший Сергея Николаевича.

Он и впрямь похож на Баяна, древнего русского певца: большой, ладный, львиная грива и весёлые глаза под седыми мохнатыми бровями...

...Крутые ступеньки бегут вверх, на второй этаж. Здесь кабинет. Слева от окна — письменный стол. Стопки книг на нём. Рукописи с характерным, чётким и угловатым почерком. Из-за стёкол старого книжного шкафа выглядывают золотые корешки «Энциклопедии» и справочников. «Моя писательская мастерская», — как говорит Сергеев-Ценский. До войны она была другой, в другом доме — наверху, на горе. Стены пестрели в те годы яркими пейзажами: поля без края, тревожный шум леса, широкая река... Гости спрашивали:

— Чьи? Какой художник писал?

Сергей Николаевич отвечал неохотно:

— Мои, — а потом, бывало, шутливо добавлял: — В молодости меня прочили в вундеркинды: писал стихи, рисовал, «подавал надежды» в музыке. Пришёл к литературе от живописи. Каков?!

В том домике, на горе, он прожил тридцать пять лет. Там написал почти всё, что было им создано, — от небольших рассказов до «Севастопольской страды». Когда немцы ворвались

в Крым, писатель покинул дом в Алуште. В далёком Казахстане продолжал он свой вдохновенный, творческий труд. Четыре года спустя вернулся в Крым и нашёл развалины. Немцы вырубали виноградник и сад, где знакомым и дорогим было каждое деревцо. Разграблена библиотека. Исчезли рукописи, которым не было цены...

Каждый день, в шесть, а то и в пять часов утра, Сергеев-Ценский усаживается за свой письменный стол, чтобы начать очередной день творчества. Это стало его духовной потребностью — работать с рассвета до позднего вечера. Перелистайте его произведения военных лет, и вы поймёте, что они плод поистине подвижнического труда: три романа — «Бурная весна», «Горячее лето» (1-я и 2-я части «Брусиловского прорыва») и «Пушки выдвигают», — публицистика, рассказы — всё это написано в неполных четыре года.

У Сергеева-Ценского многогранное дарование. В его пейзажах сказывается кисть истинного живописца. Это впервые заметил Горький. В одном из писем к Сергею Николаевичу он писал: «Ваш пейзаж великолепная новость в литературе». Едва ли случайно, что большой писатель Сергеев-Ценский был другом большого художника Репина.

У Сергея Николаевича изумительная память. Вот сейчас он поднялся со своего места и читает наизусть длинные куски из Некрасова. Он говорит о языковых особенностях стихов великого русского поэта. Пушкин, Лермонтов, Гоголь... Он знает их не только как восторженный почитатель, но и как исследователь. «Невеста Пушкина», «Гоголь уходит в ночь», «Мишель Лермонтов» — эти биографические романы хорошо известны советскому читателю.

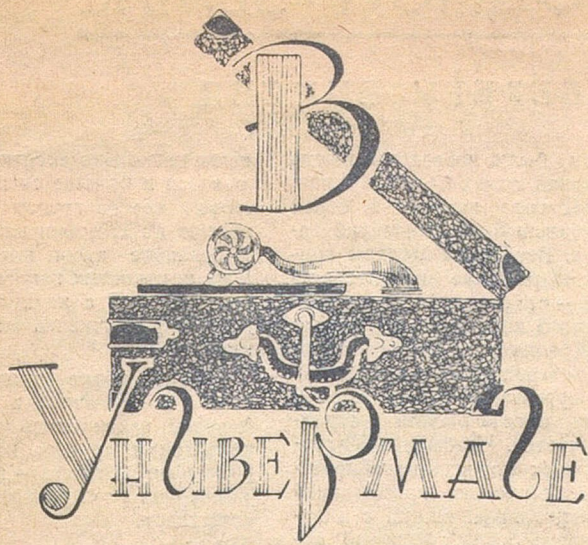
Сергеев-Ценский работает сейчас над эпопеей «Преображение России». В неё войдёт двенадцать романов и несколько повестей, охватывающих период 1914—1918 годов.

— «Пушки заговорили» — роман, который я сейчас пишу, — одна из самых сложных частей эпопеи. Она перенесёт читателя в тревожные дни 1914 года: «Чудо на Марне», Мазурские болота, битвы тех дней. Четвёртая глава у меня называется «Ленин и война». В ней я хочу нарисовать образ Ильича, описать его революционную деятельность во время первого года первой мировой войны. Если не ошибусь, это будет первая попытка изобразить Ленина тех лет.

* * *

Есть люди с неуывающей душой; на ней рука времени не оставляет своих следов. Эти люди всегда молоды, как молод сегодня Сергеев-Ценский, отметивший свой семидесятый год рождения. Он так же полон в этот день бурной энергии и дерзновенных творческих замыслов, как и много лет назад... Крым.

В. Ардов

Рисунки Мих. Милославского

...Лай, хохот, пенье, свист
и хлоп,
Людская молва и конский
топ...
А. Пушкин

Я рассматривал витрину в
писчебумажном отделе боль-
шого универмага, когда вни-
мание моё привлёк странный
шум, идущий откуда-то из
недр магазина.

— Кто это так шумит? —
спросил я. — Покупательни-
ца?

— Зачем покупательница?
Это Русланова.

— Кто, кто?!

— Ну, артистка Руслано-
ва, исполнительница русских
песен. Поверите ли: как с
утра завели, так вот — до
сих пор.

— Что же она у вас в ма-
газине делает с утра — эта
артистка?

— Артистка тут не при-
чём. Кричит патефонная пла-
стинка.

— Позвольте, а это уж
какой-то ребёнок плачет?

— Не плачет, а смеётся.
И не ребёнок, а Рина Зелё-
ная. Тоже на пластинке. Там
ведь два патефона сразу пу-
скают. Ага, вот опять Ру-
сланова!.. Да вы подойдите
поближе, послушайте сами...

— Пожалуй, подойду, вы
правы...

Пока я шёл от писчебу-
мажного отдела к отделу
патефонных пластинок,
умолкли ребяческие всхли-
пывания Рины Зелёной, ли-
хим отыгрышем на гармошке
со звонками закончились са-
ратовские запевки Руслано-
вой, и неизвестный мне те-
нор заскулил:

— «Где же ты, моя Сули-
ко-о-о-о-о?»

Шедшие впереди меня
двое граждан встревоженно
посмотрели друг на друга.

— Слышишь? Должно,
опять кто-нибудь заблудил-
ся в этом универмаге. По ра-
дио ищут гражданку Сули-
кову.

У прилавка отдела пласти-
нок был небольшой, но очень
плотный водоворот из граж-

дан, подходивших и уходив-
ших.

— Послушайте, товарищ
продавец, Рина Зелёная у
вас есть?

— Есть. Вот она на том
патефоне играет...

Действительно, понату-
жившись, можно было услы-
шать, что из-под иголки вто-
рого патефона доносилось:

— «...у меня в кармане
гвоздь. А у вас? — А у
наш сегодня гошь. А у
вас? — А у наш в квартире
кошка...»

— Товарищ продавец, я
уже час прошу поставить
мне Козловского!

— Вот Козловский. Слу-
шайте!

— Слышишь? По радио
ищут гражданку Суликову.

— «...Птички уснули в ле-
су-у-у-у-у...

Спи, моя радость, усни...»

— А почему голос хрип-
лый?

— Милый, в этом родоме
не то что лирический тенор,

а дальнотонная гаубица эх-
рипнет.

— «Во суббо-оту, день не-
на-са-та-на, не-ельзя в поле
работать...»

— «Тёо-омная ночь, толь-
ко пули свистят...»

— Позвольте! Это уж —
не пули, это ещё кто-то сви-
стит.

— Правильно. Пластинка
художественного свиста.

— Ну что ж, гражданин,
выбирайте, что вам нравится.

— Прямо не знаю. Если
бы я для себя покупал, а то
ведь для соседей. Очень у
меня соседи ехидные. При-
ходится бороться патефоном
и радио. Но радио не всегда
играет, — значит, нужна мне
пластинка погромче. Конеч-
но, свист своё возьмёт... Но
эта «Суббота» зато тоскли-
вее...

Человек в причудливой
кепке:

— Я извиняюсь, товарищ,
если вам для соседей, возь-
мите лучше джаз под управ-
лением Цфасмана. У саксо-
фона такой адский хохот —
больше двух раз никто не
выдерживает.

— Утёсов имеется?

— Смотря что.

— Мне бы эту «Марки-
зу»: «Всё хорошо, прекрас-
ная маркиза...»

— С маркизой — нет, а с
дочкой — пожалуйста... Это —
как её? — «Вары-Вары-Ва-
ры...»

— Товарищ продавец, мне
дайте, пожалуйста, пенне, но
только чтобы грустное.

— Из грустного могу
предложить неудачные люби-
ви, по-цыгански поёт. И Та-
мару Церетелли.

— Хотелось бы ещё гру-
стнее.

— Тогда возьмите Изабел-
лу Юрьеву. Просто одни
слёзы: «речи, плечи, встречи,
профиль, анфас...»

— Ещё хотелось бы пе-
чальнее.

— Я извиняюсь, гражда-
нин, я бы так посоветовал:
возьмите пластинку с уро-
ком английского языка. Пе-
чальнее ничего я лично не
слышал.

— А ну, поставьте!

— Пожалуйста.

— «Аауу... офэу... пхр...
сэфх...»

— Н-да. Это уж чересчур
грустно...

— Милой, поставь ты мне
сейчас танго.

— Какое вам танго? Что
вы хотите купить?

— Ничего я, браток, поку-
пать не собираюсь. А как
мы вот с Васей теперь идём
из пивной, то хочется немно-
го послушать задушевной
музыки. Ну, уважь, поставь
какое ни на есть танго...

— Гражданин! Пьяным по-
лагается в отдел учебных по-
собий.

— Почему?

— Там имеется печень ал-
коголика в натуральную ве-
личину. Поди, полюбуйся.

— Чистая музыка есть,
чтобы без пення?

— Ойстрах остался.

— На чём играет?

— Ойстрах всегда играет
на одной и той же скрипке.

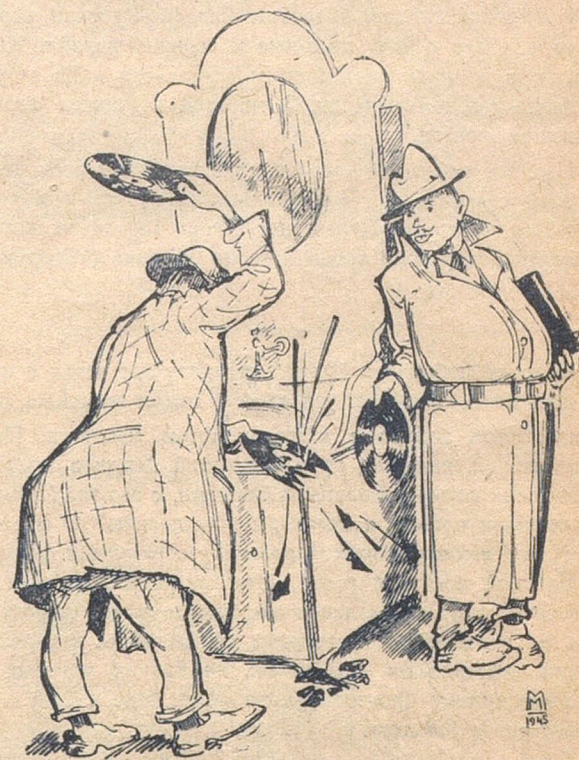
— А мне бы баян нужно...

— Я извиняюсь, гражда-
нин, вы купите этого Ойст-
раха, а вместо иголки по-
ставьте обойный гвоздик,
вот оно и выйдет, что твой
баян.

ХОМОР

— Извиняюсь, гражданин,
вы послушайте мой совет: у
них есть обменный фонд на
Лемешева.

— Это что такое — об-
менный фонд?

— Тррах! Тррах... В порядке!..

— Игорь Ильинский есть?
Чтобы читал стихотворение
Пушкина «Конь».

— Есть. Пожалуйста.

— «Что ты ржёшь, мой
конь ретивый,

Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызёшь своих удиц?

Али я тебя не холю?..»

— Стоп! То самое. Завер-
ните три штучки этой пла-
стинки. Только надо счёт на-
писать.

— На чьё имя счёт?

— Местному второго коп-
ного парка лишеторга.

— А зачем местному эта
пластинка? Да ещё в трёх
экземплярах?

— Понимаешь, покупаем
её исключительно как аги-
тационный материал в поль-
зу хорошего обращения с
лошадьми. У нас конюшня
радиофицирована. Значит,
как наши возчики будут за-
прягать или распрягать, то
сейчас пустим этого «Коня»
через адаптор. Агитация!

— И мне дайте парочку
этих «Коней».

— Вы тоже из конного
парка?

— Нет, я главврач в од-
ной больнице. Но у меня низ-
ший персонал так обраща-
ется с больными, что вот ду-
маю воздействовать данной
пластинкой. «Смотрите, —
скажу, — с лошадьми и то
легче поступают...»

— Лемешев у вас есть?

— Лемешев весь,

— Значит, если вы битые
пластинки сдадите, они вам
выдадут цельного Лемеше-
ва.

— Где же я возьму битые
пластинки?

— Господи! Купите у них
же три пластинки — любые,
и сейчас мы их кокнем.

— Где кокнем?

— Господи, да рядом —
отдел мебели. Мраморные
умывальники для этого по-
ставлены... Я вам всё сде-
лаю... Чек взяли? Платите.
Что вы?! Боже унаси: не
глядите, что купили, а то
сроду не разобьёте... Да-
вайте сюда... Тррах! Тррах!
Тррах... В порядке!.. Эй, про-
давец, получите ваш бой.
Ставьте Лемешева!

— «...Разгрёпп я су-
гроппп, в нём невеста ле-
жит...»

— Хорош! Он самый! Вы-
писывайте чек... Осторож-
нее: Лемешева бить не на-
до...

— «...Дайте лодочку-мото-
рочку-моторочку-мотор...»

— «...А у наш на кифне
гаж. А у ваш?..»

— «...Птички уснули в ле-
су,

Рыбки уснули в пруду...»

— Двужильные, ей богу,
эти птички с рыбками: при
таком грохоте умудряются
уснуть!

Разинув рот и зажав уши,
как при артиллерийской
стрельбе, я направился к вы-
ходу,

«Для разбора древних актов в архивах Присутственных мест и монастырей Киевской, Подольской и Волынской губерний, в 1843 году при Киевском военном и Волынском Генерал-Губернаторе учреждена Временная Комиссия. Ныне она издала первый том своих полезных трудов. Акты все напечатаны без малейших изменений в тексте, в них сохранены древняя орфография, сокращения и надстрочные знаки. Для памятников, писанных Западно-Русским наречием, употреблён в печать церковно-славянский шрифт. Ко всем актам, в подлиннике писанным по-польски и на старинном западно-русском наречии, комиссией приложен верный и близкий перевод.

Издание книги так исправно, так изящно и роскошно, что с этой стороны, кроме продолжения, ничего и желать не остаётся читателю. Перед ним теперь 130 актов, которыми обогатились разные эпохи истории России» («Современник» № 7).

* * *

«Кто не побывал в Петербурге пять лет назад и придет в него невзначай, — не узнает мест самых знакомых, до того физиономия города с каждым летом меняется. Помните неуклюжий, высокий, крутой и узкий Аничков мост с его мрачными четырёхугольными башнями, с его тяжёлыми, бесполезными цепями и непрерывною давку? О месте этом нет уже помину! Невский проспект с газовыми фонарями и паркетной мостовой ровно, широко, раздольно простянулся до самой церкви Воздвиженья. Вместо моста широкая улица, со спокойными тротуарами, окаймлённая к реке красными, массивными решётками, на концах которых стоят четыре чудные бронзовые коня, вышедшие из-под гениального резца Клодта».

(«Литературная газета» № 49).

Окрестности города Красноярска едва ли не красивейшие на земном шаре. Альпинисты, побывавшие на знаменитых красноярских «Столбах» — этих громадных нагромождениях гранита у отрогов Саянского хребта, — считают, что эта местность по красоте не имеет равных даже в Швейцарии. Ещё э́т много лет до революции на одном из красноярских «Столбов» какие-то смельчаки огромными буквами вывели слово «Свобода», — и это слово виднелось на многие километры, вызывая бесильную ярость царских жандармов.

Ныне Красноярск — могучий индустриальный центр Сибири. В годы сталинских пятилеток город обогатился крупным индустриальным первенцем — заводом сельскохозяйственного машиностроения, ставшим базой сибирских машинно-тракторных станций. Но совершенно невиданных темпов и размеров достигло здесь индустриальное строительство в годы Отечественной войны. Осенью 1941 года на правый берег Енисея прибыли эшелоны с рабочими и оборудованием. За несколько месяцев на пустыре, заросшем бурья-

ном, были возведены шесть зданий новых цехов, а к маю 1942 года вступил в строй небольшой механический завод. Вскоре из Москвы пришло решение правительства — создать на базе построенного механического завода в Красноярске мощный паровозостроительный завод.

Суровые сибирские морозы не останавливали строительства. Чтобы при 50-градусных морозах не замерзали растворы, применялись специальные ящики с электропрогревом. Мощный котельный цех площадью в 9 тысяч квадратных метров был построен за семь недель. К весне 1943 года в эксплуатацию были введены 15 могучих производственных цехов и среди них паровозомеханосборочный цех площадью 20 500 квадратных метров с уникальным оборудованием, со 100-тонным мостовым краном. Красноярский гигант тяжёлого машиностроения вступил в строй. Его цехи полностью обеспечивают производство магистральных паровозов, тяжёлых разливочных кранов для чёрной металлургии, углезагрузочных вагонов для коксовых батарей. Заводом уже выпу-

щено несколько десятков паровозов и больше сотни мостовых кранов грузоподъёмностью до 175 тонн каждый. В сентябре завод выпустил 5 магистральных паровозов и рассчитывает с каждым месяцем увеличивать их выпуск.

Вскоре после окончания войны с Германией в Красноярске закончилось строительство и другого индустриального гиганта — завода комбайнов «Красноярский коммунар».

Ещё продолжалось строительство цехов завода, когда начался монтаж оборудования, установка станков и рабочие приступили к производству комбайнов. В механосборочном цехе, в кузнице, в литейной рабочие начали производить части комбайнов, когда ещё над их головами не были возведены кровли этих цехов. В день официального объявления об окончании строительства завода с главного конвейера сошёл 350-й комбайн.

Одновременно с заводами в Красноярске строились рабочие городки. При заводе комбайнов жилплощадь выстроенного городка составляет 10 тысяч квадратных метров, а при машиностроительном заводе выстроен город с жилыми домами на 40 тысяч жителей, с театром, библиотеками, кино, школой, детскими учреждениями.

М. Азарин

Почему мы так говорим

ЖЕЛТАЯ ПЕЧАТЬ

В 1895 году ньюйоркская газета «Уорлд» начала печатать серию юмористических рисунков о приключениях ребёнка в жёлтой рубашонке. Забавные и весёлые рисунки имели большой успех у читателей. Затем эти карикатуры перекочевали в «Нью-Йорк джорнал», и между двумя изданиями поднялся спор из-за права на «жёлтое дитя». Вмешавшийся в шумную полемику редактор «Нью-Йорк пресс» Эрвин Уордман назвал в передовой оба журнала «жёлтой печатью». Выражение это привилось как обозначение продажных и неразборчивых изданий, гонящихся во что бы то ни стало за любой сенсацией.

ДОТЛА, ВИТАТЬ В ОБЛАКАХ

Есть слова, не употребляемые сами по себе, а сохранившиеся только в сочетаниях с другими словами. Мы говорим «уничтожил дотла», но редко кто знает, что такое «тло». Таковы же выражения «витать в облаках» (быть оторванным от действительности), «быльём поросло» (но сходству «быль» с «былым» понимается, как «отошло в прошлое»). Между тем и «тло», и «витать», и «быльё» когда-то были в языке. «Тло» значит основание, «витать» — жить, «быльё» — растительность (от «быль» сохранилось производное «былинка»).

АРГУС

По греческой мифологии, не знающий сна стокий Аргус охранял обращённую в корову Ио. Чтобы похитить её, Гермес усыпил Аргуса своими речами и, как только смежились все его сто глаз, отрубил ему голову. Слово «Аргус» поэтому стало у нас применяться в смысле «недремлющий страж». Интересно отметить, что уже герой гомеровской поэмы Одиссей назвал свою собаку Аргу-

сом. По другому мифу, Гера воскресила Аргуса и превратила его в павлина с хвостом, разукрашенным глазками. Как отголосок этого мифа, сегодня Аргусом называется род птиц, перья которых покрыты глазчатыми пятнами.

ТРИУМФ, ОВАЦИЯ

В древнем Риме высшей наградой за воинские подвиги для полководца был триумф. Для предоставления триумфа нужно было много условий; в частности число врагов, убитых в одном сражении, должно было быть не менее 5 тысяч.

Триумф обставлялся очень торжественно: полководец вступал в город через триумфальные ворота (откуда и сохранившийся до нашего времени обычай возводить триумфальные арки) во главе войска и в окружении народа, музыкантов и певцов. Он ехал в позолоченной колеснице, запряжённой четвёркой белых коней (откуда долго сохранявшийся обычай победителей въезжать на белом коне), с лавровым венком на голове. Впереди шествия везли военную добычу и вели скованных пленных. Торжества сопровождалась принесением в жертву быка. Второй по значению наградой была орация. Слово это произошло от «овис» — овца, — так как полководец, удостоенный этой награды, приносил в жертву овцу. Он входил в город пешком, голову его венчал миртовый венок. Сначала слова «триумф» и «овация» применяли только по отношению к этим торжествам; потом стали говорить в переносном смысле о том, что человек заслуживает триумфа, а сегодня мы называем триумфом торжество полной победы в любой области (политической, военной, науки, искусства), а овацией — единодушные и шумные знаки публичного одобрения («артисту устроили овацию»).

И. Уразов

ПЕРЕД ЗИМНИМ СЕЗОНОМ

Абсолютный чемпион СССР по конькам В. Прошин тренируется перед началом зимнего сезона. Он упражняется в прыжках на «канаве».

Фото Н. Волкова

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Н. Зубарёва

Партия

Игрена в радиоматче
СССР — США

Защита Каро-Канн

Горовиц
(США)

Флор
(СССР)

1. e2 — e4	c7 — c6
2. d2 — d4	d7 — d5
3. Kb1 — c3	d5 : e4
4. Kc3 : e4	Kg8 — f6
5. Ke4 : f6	g7 : f6

Излюбленное продолжение гросмейстера Флора. Однако после настоящей партии ему придётся, по-видимому, пересмотреть арсенал своих вариантов в этом дебюте.

6. Kg1 — e2

Этот ход и вся дальнейшая система развития, избранная белыми, является для Флора, очевидно, неожиданной и не находит правильного опровержения с его стороны.

6. . . .	Cc8 — f5
7. Ke2 — g3	Cf5 — g6
8. h2 — h4	h7 — h6
9. h4 — h5	Cg6 — h7
10. c2 — c3	Фd8 — b6

Трудно указать правильный план игры за чёрных: неудачно расположенный слон h7 и находящаяся под ударом пешка h6 сковывают фигуры чёрных и затрудняют их развитие.

11. Cf1 — c4	Kb8 — d7
12. e2 — a4	a7 — a5
13. Фd1 — f3	e7 — e6
14. 0 — 0	Ch2 — c2
15. Cc1 — f4	Cc2 — b3
16. Cc4 — d3	e6 — e5

Это выглядит чрезвычайно рискованным, так как вскрывает центр в то время, как чёрный король не успел ранировать. Следовало, вероятно, решиться на 16. . . . 0—0—0.

17. Cf4 — e3	Cb3 — d5
18. Cd3 — e4	Фb6 — b3
19. d4 : e5	f6 : e5

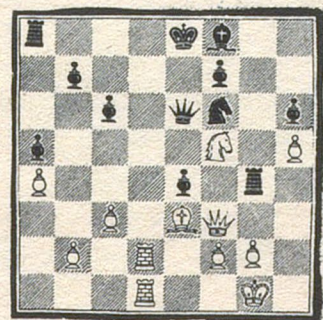
20. La1 — d1. Cd5 : e4

Чёрные вынуждены открыть линию d.

21. Фf3 : e4	Фb3 — e6
22. Лd1 — d2	Kd7 — f6
23. Фе4 — f3	Lh8 — g8
24. Лf1 — d1	Lg8 — g4
25. Kg3 — f5	...

Позиция белых усиливается с каждым ходом, в то время как чёрные не могут противопоставить никакой контригры.

25. . . . e5 — e4

26. Ce3 — b6l

Выигрывающий ход. Если теперь 26. . . . Ce7, то 27. Ф : g4l и 28. Kg7 + 26. . . . Лg4 : g2 + 27. Фf3 : g2

Нельзя, разумеется, 27. Кр : g2 из-за ef+.

27. . . .	Фe6 : f5
28. Лd2 — d8 +	Ла8 : d8
29. Лd1 : d8 +	Кре8 — e7
30. Фg2 — g3l	Kf6 — d7
31. Cb6 — c7l	Фf5 — d5
32. c3 — c4l	...

Вынуждая размен ферзей и переход в выигранный эндшпиль.

32. . . . Фd5 — g5

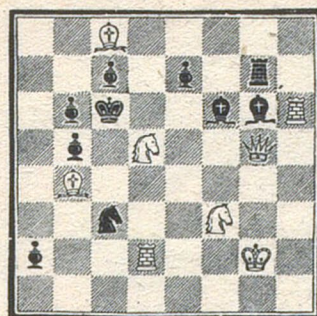
Если 32. . . . Фе6, то 33. Ла8 с угрозой Cd8+.

33. Фg3 : g5 +	h6 : g5
34. Лd8 — e8.	Чёрные сдались на 41-м ходу.

Одна из лучших партий матча.

ЗАДАЧА

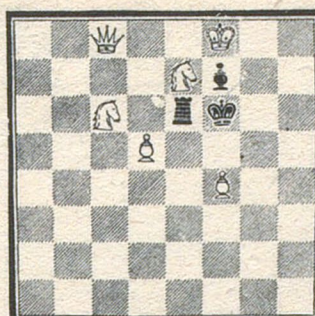
Л. Соколов

Белые начинают и выигрывают

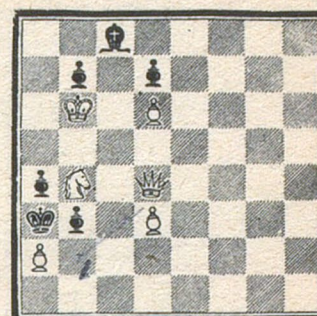
ДВЕ ЗАДАЧИ АМЕРИКАНСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

С. Майерс

Белые начинают и выигрывают

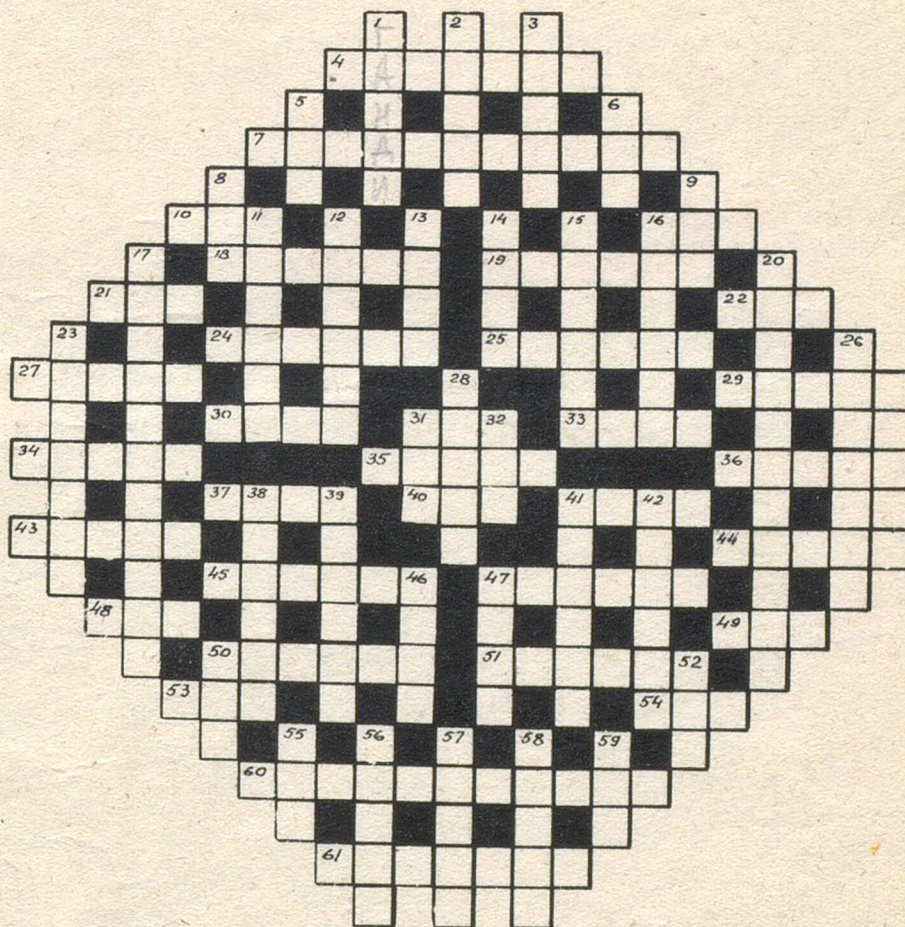
Г. Розе

Белые начинают и дают мат в два хода

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Е. Д. Ефимов

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Индийский политический деятель. 2. Кондитерское изделие. 3. Столица союзной республики. 4. Детская игрушка. 5. Геометрическое тело. 6. Яма. 7. Развлечение. 8. Путешественник. 9. Приют Волги. 10. Настольная игра. 11. Часть сбруи. 12. Предмет дамского туалета. 13. Город США. 14. Свод основных законов государства. 15. Русский полководец. 16. Конструктор самолетов. 17. Маршал Советского Союза. 18. Старик. 19. Часть палубы на корабле. 20. Награда за труд земледельца. 21. Молочный продукт. 22. Город в Китае. 23. Краситель. 24. Растение. 25. Переправа через мелкое место реки. 26. Приют Вислы. 27. Часть лица. 28. Холодное оружие. 29. Советская писательница. 30. Безветренная погода. 31. Принадлежность для вязания. 32. Хвойное дерево.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Участник величайшей полярной экспедиции. 7. Город

на Дальнем Востоке. 10. Скотный двор. 16. Повар. 18. Оптическое явление. 19. Часть суши, омываемая водой. 21. Столица европейского государства. 22. Город на Аляске. 24. Ягода. 25. Город в СССР. 27. Рыба. 29. Звание в казачьих войсках в царской армии. 30. Часть обуви. 31. Лиственное дерево. 33. Курорт в СССР. 34. Связка шнуров. 35. Рукоподатель факультета. 36. Лётчик. 37. Мя-

теж. 40. Место ремонта судов. 41. Родовой союз в Шотландии. 43. Ожерелье. 44. Предмет домашней обстановки. 45. Сельскохозяйственное орудие. 47. Продукт переработки нефти. 48. Морское животное. 49. Место для учебной стрельбы. 50. Мужская обувь. 51. Советский пианист. 53. Название месяца. 54. Кухонная принадлежность. 60. Город-герой. 61. Главный город страны.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 42 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Сеченов. 9. Лепитан. 11. Вар. 14. Коперник. 15. Кальтемир. 16. Доде. 17. «Враги». 19. Торос. 22. Итог. 23. Тихвин. 24. Инбер. 26. Иванов. 27. Друг. 29. Адат. 31. Тома. 32. Ауда. 34. Па. 35. Лемешев. 36. Ре. 37. Зима. 39. Сола. 41. Трио. 43. Анка. 45. Геракл. 47. Кумир. 48. Павлов. 50. Оспа. 51. Серов. 54. Загар. 56. Неон. 57. Ватерпас. 59. Ветховен. 61. Оля. 63. Пиратов. 64. Дилект.

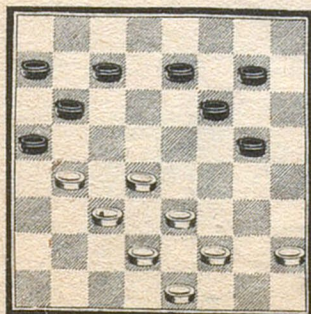
ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Веденев. 2. Бери. 3. Москва. 4. Деиер. 5. Лион. 6. Балерина. 8. Га. 10. Бородин. 11. Бари. 12. Рост. 13. Тихофев. 17. Ванда. 18. Григ. 20. Охра. 21. Сюнта. 25. Бурелом. 28. Уилки. 30. Дипан. 31. Таз. 33. Ара. 38. Атлас. 39. Салер. 40. Ферман. 42. Окно. 43. Арка. 44. Солопей. 46. Академик. 49. Витовка. 52. Ростов. 53. Вино. 54. Золя. 55. Гибрид. 58. Илот. 60. Тула. 62. Ли.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Горчинского

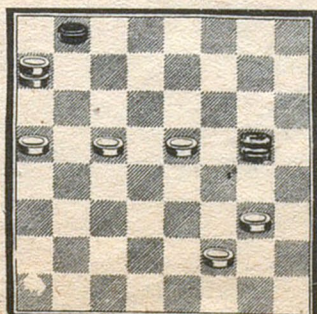
КОНЦОВКА

Белые начинают и выигрывают

ЗАДАЧА

А. Ефремова

Запереть простую

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ КИНЕМАТОГРАФИИ при СНК СССР
„ГЛАВКИНОПРОКАТ“

В. Зускин (доктор), А. Бучма (Тарас).

СМОТРИТЕ

НА ЭКРАНАХ
С О Ю З А
Н О В Ы Й
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
Ф И Л Ь М

НЕПОКОРЁННЫЕ

Сценарий:

**Б. ГОРБАТОВА,
М. ДОНСКОГО.**

Постановка лауреата
Сталинской премии

Марка ДОНСКОГО.

Режиссёры:

**Р. ПЕРЕЛЬШТЕЙН,
Е. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН.**

Гл. оператор—

Б. МОНАСТЫРСКИЙ.

Художник — **М. УМАНСКИЙ.**

Композитор — **Л. ШВАРЦ.**

В. Славина (Настя).

В РОЛЯХ СНИМАЛИСЬ:

нар. арт. СССР А. Бучма (Тарас), нар.
арт. РСФСР В. Зускин (доктор), засл.
арт. РСФСР Д. Сагал (Степан), нар.
артисты УССР: Л. Карташева (Ефросинья),
А. Ватуля (Игнат), М. Высоцкий (немецкий инженер),
засл. артисты УССР: Е. Понамаренко (Андрей),
Е. Осмяловская (Валя), И. Кононенко (Максим),
В. Халатов (немецкий комендант), артисты:
В. Славина (Настя), М. Самосват (Антонина),
Н. Зимовец (Василёк), М. Трояновский (Назар),
А. Дунайский (Панас), Г. Клеринг (немецкий лейтенант),
Д. Капка (кузнец).

ПРОИЗВОДСТВО КИЕВСКОЙ СТУДИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ 1945 г.

С К О Р О
НОВАЯ
КИНО-
КОМЕДИЯ

БЛИЗНЕЦЫ

Режиссёр — **Константин ЮДИН**

ПРОИЗВОДСТВО ОРДЕНА ЛЕНИНА КИНОСТУДИИ „МОСФИЛЬМ“ 1945 г.

